

Алексей Попков

ТАЙНА
ГОЛУБОВОГО
СТАКАНА

Шпионы. Дело №...

Алексей Попков

Тайна голубого стакана

«ВЕЧЕ»

1955

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Попков А. В.

Тайна голубого стакана / А. В. Попков — «ВЕЧЕ»,
1955 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-5717-3

В очередном выпуске серии «Шпионы. Дело №...» читателя ждёт встреча с одним из знаковых произведений советской приключенческой литературы. Вышедший семьдесят лет тому назад роман «Тайна голубого стакана» (1955) Алексея Попкова (1910–1981) обрёл шумную известность, которая, как ни странно, обрекла его на скорое забвение. Книга рассказывает о борьбе советских контрразведчиков с вражескими диверсантами, развернувшейся в сибирском рудничном поселке. Предмет схватки – таинственный минерал Зет, обладание которым гарантирует одной из сторон мировое господство. Корни тайной войны тянутся из дореволюционных лет. Читателя ждут двойные агенты, схватки на земле и под землёй. Тем, кто встает на пути диверсантов, враг угрожает крайним и страшным средством – голубым стаканом.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5717-3

© Попков А. В., 1955

© ВЕЧЕ, 1955

Содержание

«Проявил себя беспощадным в борьбе с врагами Родины...»	6
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	33
Глава шестая	40
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Попков Тайна голубого стакана

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданию:

Попков А. Тайна голубого стакана. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1955.

© Попков А.В., наследники, 2025

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

«Проявил себя беспощадным в борьбе с врагами Родины...»

Говоря о судьбе отечественного шпионского романа, мы часто сетуем на то, что в период его расцвета официальная критика на него не реагировала. Он по умолчанию считался представителем низкого жанра, призванного в лучшем случае развлекать и воспитывать. Но есть нечастые примеры того, как автор шпионской книги все же попадал в поле зрения литературного сообщества. И нельзя сказать, что подобное внимание радовало писателя...

Алексей Васильевич Попков родился в 1910 году в Кургане. Он получает образование горного инженера и в середине 1930-х годов приезжает в Сибирь, где трудится на рудниках и приисках Енисейской тайги, на шахтах Черногорска в Хакасии. Грамотный, инициативный инженер обратил на себя внимание. Его приглашают на работу в партийный аппарат. Сегодня стало принято представлять партийных деятелей как людей, выкрикивающих лозунги на собраниях и митингах. Да, были и такие. Но подготовка к неизбежной войне требовала не только идеологической накачки. Необходимы были те, кто мог грамотно руководить промышленной, технологической гонкой, без выигрыша в которой победа в войне не представлялась возможной. 1941 год стал временем тяжких испытаний и потерь. Теперь уже фронту требовались командные кадры. Осенью 1942 года, когда во многом и решалась судьба противостояния с гитлеровской Германией, Попков отправляется на фронт. О том, что партийный работник не отсиживался в тылу, свидетельствуют строки наградных документов.

Из представления к ордену Красной Звезды:

«Майор Попков на фронте отечественной войны – с сентября 1942 года. Сначала на Калининском, а затем на Северо-Западном фронтах.

Будучи комиссаром, а затем зам. командира 45 отдельной лыжной бригады, принимал непосредственное участие в боях, лично руководил боевыми операциями.

До призыва в Действующую Армию работал секретарём Красноярского Обкома ВКП(б) по промышленности. С июня 1943 г., работая в Управлении контрразведки «СМЕРШ» фронта, провёл большую работу по разработке новых методов внедрения нашей агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы противника. Лично осуществил две переброски через линию фронта...»

Не меньшее впечатление производит и представление ко второму ордену Красной Звезды:

«За время работы Начальником Отделения Контрразведки НКО «СМЕРШ» 15 Стрелковой Сивашской ордена Ленина дважды Краснознаменной дивизии... тов. ПОПКОВ проявил себя беспощадным в борьбе с врагами Родины, способным и умелым руководителем органа и организатором личного состава дивизии на борьбу с вражескими проявлениями.

За период 7.4.44 по 7.7.44 года под руководством тов. ПОПКОВА в частях дивизии разоблачено 4 изменника Родины и одна группа офицерского состава, готовившаяся совершить дезертирство и 7 дезертиров в одиночку».

А вот строки из наградного документа осени 1944 года:

«Тов. ПОПКОВ только за последнее время разоблачил большое количество преступного элемента. Все они были арестованы и осуждены Военным Трибуналом к разным срокам.

Тов. Попков во время подготовки к боевым операциям и в период боевых операций армии организовал проческу населённых пунктов и лесных массивов в местах размещения штаба и боевых порядков дивизии, тем самым предупредил возможность проникновения на территорию боевых порядков дивизии к/р шпионского, диверсионного и других элементов.

Тов. ПОПКОВ 19 октября 1944 года, выполняя специальное оперативное задание командования, в районе боевых порядков 15 стр. дивизии от разрыва вражеского снаряда тяжело ранен. Операцией ему ампутирована правая рука».

Победу майор Попков встретил с двумя орденами Красной Звезды и двумя орденами Красного Знамени. С такими наградами и послужным списком он мог смело рассчитывать на возобновление партийной карьеры. Но Попков делает другой выбор. Вернувшись в Сибирь, он обращается к практической работе. Диплом инженера в послевоенные годы открывал широкую дорогу для того, что мы сегодня называем профессиональной самореализацией. Горный инженер Попков с головой погружается в мирную, созидательную жизнь. Опыт руководящей работы и практические знания – не такое уж и частое соединение. В конце 1947 года Постановлением Совета Министров СССР образовано Управление Красноярского горного округа. Его руководителем назначили Попкова. Во главе организации он стоял четверть века. Одновременно Алексей Васильевич возвращается к литературным опытам, начатым ещё в конце 1930-х годов. Результат не заставил себя ждать. В 1950 году в Красноярске выходит его первая книга – роман «Счастливый путь».

С самого первого момента появления в литературе Попкова «полюбили» критики или те, кто добровольно взял на себя эту нелегкую работу. Так, на его дебютный роман с неестественной горячностью откликнулся московский прозаик Иван Арамилев. В первом номере журнала «Сибирские огни» за 1951 он выступил с развернутой рецензией с говорящим названием «Беллетризация темы». Арамилев, автор рассказов об охоте, жалуется читателям на чрезмерную перегруженность книги Попкова производственными деталями. Подобные упреки странно сочетаются с названием рецензии. Кроме того, Араμίлева не устраивает образ директора шахты «Ударная» Иннокентия Налимова:

«Этот Иудушка Головлёв – член партии! Он упорно лезет вверх, делает блистательную карьеру. Обзаводится домом, коровой, телятами, становится начальником крупной шахты, женится на хорошей девушке. Все его низменные помыслы в одном: “набить карман и ходу!”. И он успешно набивает. Он враг новаторов, враг новой техники. Что там угольный струг или комбайн! Иннокентий Налимов даже врубовку не хочет допустить на свою шахту! Не признаёт! Он выезжает на обушке и мускульной силе шахтёров.

Чтобы получать премиальные, Налимов делает жульнические приписки к добыче угля. Пятьсот тонн “приплюсовал” за один месяц!

Перед нами законченный злодей, мерзкий в быту, в отношениях к родителям, очковтиратель на производстве, махровый бюрократ и консерватор. Можно ли поверить автору, что такой нравственный урод и кретин годами держится на ответственном посту и благоденствует?!»

Можно поверить, Иван Андреевич, можно... Арамилев учит сибирских издателей тому, как они обязаны были реагировать на рукопись Попкова:

«Как должно было поступить издательство, получив рукопись романа А. Попкова? Редакторы обязаны были сказать автору, что он представил не художественное произведение, а сырой материал к роману, фрагменты и заготовки; что над рукописью надо работать и работать!»

Критик не успокоился на достигнутом. Используя столичные связи, он перепечатывает сокращенный вариант текста не где-нибудь, а в «Литературной газете». В № 27 издания в том же 1951 году публикуется рецензия второй свежести под новым названием «О машинах и людях» с теми же самыми разгромными пассажами. Некоторые моменты были даже усилены. Если в журнальном варианте по поводу Налимова сказано: «Написав Иннокентия Петровича одной черной краской, автор начинает проявлять странное благодушие...», то в газетном тексте автор срывается в обыкновенное хамство, «намалевав Иннокентия Петровича одной черной краской...».

Конечно, никто не назовет первую книгу инженера Попкова шедевром. Но вот Иван Крутяков, выпускник Красноярского института цветных металлов 1964 года, вспоминает о том, что заставило его поступить в непростой для учебы вуз:

«К моменту выбора профессии попалась повесть Алексея Попкова... о горняках, их работе, переживаниях и испытаниях. Помню, был просто в восторге от прочитанного...»

Значит, что-то было в первой книге автора такое, что не укладывалось в рамки стандартного советского производственного романа. Но это знаем мы, а в начале своего писательского пути начинающий автор столкнулся с явным «непониманием» со стороны коллег по цеху. Подобный прием дебютной книги мог сломать любого новичка. Попкова «товарищеская критика» не остановила. В то время он уже работал над своей второй книгой – предметом нашего сегодняшнего разговора. О ней читатель узнал из редакторских заметок видного советского критика Николая Ивановича Замошкина. В апрельском выпуске журнала «Октябрь» за 1953 год вышли его «Заметки о редактировании». Разговор об еще не вышедшей книге начинается ровно и спокойно:

«Теперь о романе А. Попкова “Тайна голубого стакана”. Перед нами советский детектив, написанный как будто по всем положенным для этого жанра правилам».

Но практически сразу автор переходит к негативной стороне рукописи романа:

«В нем допущено столько натяжек, нагромождено столько разных “тайн”, что многое остается за рамками здравого смысла. Мыслимо ли, например, чтобы советские люди занимались розыском преступников в одиночку, целиком на свой страх и риск? Похоже ли на правду, чтобы советский геолог-патриот в полном одиночестве и в абсолютном секрете от всех окружающих работал над научным открытием? Роман А. Попкова перегружен случайностями настолько, что не всегда ясно, какую функцию выполняет тот или иной персонаж».

Вывод в отношении возможной литературной судьбы «Тайны голубого стакана» делается крайне неутешительный:

«Попадают страницы настоящей пинкертоновщины. А. Попков поступил хорошо, взявшись за патриотическую тему, и очень жаль, что редактор не помог писателю совладать с большими трудностями, возникшими перед ним как автором детектива».

После такого разноса в центральном издании трудно было рассчитывать на то, что книга сможет дойти до читателя. Но Попков не сдавался. Конечно, определенную роль в издательском продвижении «Тайны голубого стакана» сыграло положение автора, его немалый авторитет среди земляков. А к тому времени Попков крепко осел на сибирской земле. 9 мая 1955 года книга была подписана в печать, а вскоре и появилась в продаже. Тридцатитысячный тираж «Красноярского книжного издательства» буквально растворился в воздухе. Теперь читатель сам мог убедиться, насколько обвинения столичного критика соответствуют действительности.

Действие в романе разворачивается стремительно. Уже в первой сцене молодой геолог Галина Ковригина получает таинственное послание, в котором содержится требование прекратить поиски такого-то минерала. В случае отказа автор записки обещает Галине нечто страшное:

«Не доводите дела до голубого стакана, иначе вас быстро найдёт Смерть!»

Галина быстро догадывается, что речь, скорее всего, идет о минерале Зет. Его залежи обнаружены на склонах горы Лысой неподалеку от поселка Первальный, в котором она живет и работает. Ковригина выезжает на место разработки минерала, где встречается с Борисом Подкорытовым. Когда-то он был влюблен в Галину, но теперь их дороги разошлись, тем более что Галина вышла замуж за Сергея Новикова – офицера Советской армии, который находится в госпитале после тяжелого фронтального ранения.

Параллельно поселковый участковый старший лейтенант Степан Гущин с помощью старого охотника Афанасия Спиридоновича Мошкова обнаруживает в тайге схрон диверсантов. Судя по обрывкам разговора, те задумали нечто страшное в отношении поселка и его обита-

телей. Старший лейтенант принимает решение не задерживать вражеских агентов, а, наблюдая за ними, выйти на их таинственного главаря.

В это же время майор Новиков, муж Галины Ковригиной, читает рукопись дневника неизвестного геолога. В нем рассказывается о событиях начала века, незадолго до залпов Первой мировой войны. Русский ученый в ходе одной из экспедиций обнаруживает таинственный минерал, обладающий поразительными свойствами. Своими действиями он может заживлять любые, даже самые страшные, ранения и болезни. В окружении геолога оказывается подозрительный субъект – некто Фёдор Маслов. В итоге выясняется, что улыбчивый и компанейский Фёдор – агент английской разведки. Попков недвусмысленно демонстрирует, что противостояние России с так называемым западным миром не ограничивается лишь годами советской власти. Замечу, что подобная деталь встречается не так часто в советских шпионских романах того времени. К геологу обращается представитель английской разведки с предложением продать сведения о целебном минерале. Русский ученый отказывается от сделки. Враг переходит к запасному варианту...

Нужно сказать, что роман Попкова отличается многолюдьем. Более того, читателя начинает кружить своего рода шпионская карусель. Главный враг чекистов обретает имя – Сандерс, потом ещё одно и ещё... Но новые имена только отодвигают его фигуру в тень, делая почти неуловимым. Персонажи, по поводу которых у читателя уже сложилось какое-то представление, неожиданно сбрасывают маски и оказываются совсем другими героями в буквальном смысле этого слова. У Галины Ковригиной обнаруживается сестра-близнец, что приводит к ещё одной сюжетной линии, знакомой нам по авантюрной литературе XIX века. Враги накапливают взрывчатку, используя старые шахтовые выработки. Там, в подземной полутьме, разыгрывается ещё один акт драмы. И хотя читатель знает, что всё должно закончиться хорошо, нагнетание атмосферы, безусловно, бьёт по нервам.

Не успел роман выйти, как появились первые отзывы на него. Очень живо откликнулся на публикацию «Тайны голубого стакана» вышедший в Красноярске альманах «Енисей». В № 16 за 1955 год мы находим целых два текста, посвященных разбору книги. В одном из них сравнивается роман Попкова со шпионской повестью «Красный рубин» другого сибирского писателя, Николая Шагурина. Показательно сравнение в пользу «Тайны голубого стакана»:

«Умением строить сюжет, создавать интригу А. Попков, несомненно, превосходит Н. Шагурина, в повести которого сюжет местами развивается вяло, прерывается пространными рассуждениями и отступлениями, которые без ущерба для повести можно было бы сократить. Сюжет у А. Попкова динамичнее». Приятное для автора книги замечание, учитывая жанровую специфику «Тайны...». Но вот вывод критика Бориса Беляева вводит в замешательство:

«Повесть А. Попкова во многом бы выиграла, если бы он, поработав над углублением характеров, оставив эпизоды борьбы с диверсантами, удалил бы из произведения “голубой стакан” и тому подобные наслоения, отдающие голой детективщиной».

В развернутой рецензии А. Каминского также встречаются замечательные советы автору:

«Капитан госбезопасности Подкорытов играет очень важную роль в деле поимки вражеской шайки. Для этой цели он носит личину карьериста и аморального человека. Носит удачно и вводит таким образом в заблуждение врагов. Но каков он на самом деле, каковы его чисто человеческие черты? Этого мы, к сожалению, так и не узнали».

Помимо этого критик даёт майору Смерша ряд «дельных» советов относительно техники слежки и высказывает несколько кровожадное недовольство по поводу малого количества смертей на страницах романа.

В № 11 журнала «Сибирские огни» за 1958 год новосибирский писатель Михаил Михеев в статье с хорошим названием «Больше внимания приключенческой литературе!» обрушивается на книгу:

«В повести В. Попкова “Тайна голубого стакана” (кстати говоря, самой слабой из всех прочитанных мною произведений) враги, чтобы избавиться от неугодных людей, прибегают к услугам “голубого стакана”. Человек, напившийся из этого стакана, умирает. Конечно, голубой стакан выглядит куда эффектнее, чем скромная незаметная ампула с цианистым калием. Я согласен, что занимательность очень важная вещь, но, добиваясь ее, автор не должен забывать о логической житейской целесообразности...

Повесть В. Попкова очень непродуманна. В ней много лишних людей, много совершенно ненужных событий. Врагов в повести целая толпа, они открыто бродят по рудничному поселку, травят и шантажируют людей, а агенты госбезопасности придумывают сложные способы, чтобы их разоблачить и поймать».

Понятно, что после такого «теплого» приема судьба романа Попкова была предрешена. На долгие годы «Тайну голубого стакана» заносят в списки литературных курьезов, достойную лишь для снисходительного упоминания в качестве образца «кондового» шпионского романа.

В этом году исполняется семьдесят лет со дня первого издания романа Алексея Васильевича Попкова. Для нас очень важно, что роман возвращается к современному читателю в период, когда слова «тайная операция», «бдительность», «любовь к родине» обретают особое, живое значение. И звучат они со страниц книги, созданной советским инженером, разведчиком, писателем – человеком, знавшим то, о чем он пишет.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Глава первая

Над кругами, лесистыми холмами, золотя верхушки деревьев, только что взошло солнце. Раскинувшийся у подножия горы Лысой рудничный поселок Перевальный еще спал. Утопающие в зелени улицы были безлюдны.

Но геолог Галина Ковригина уже проснулась. Охваченная беспричинным беспокойством, она лежала в постели, не открывая глаз, и, в полусне, думала о том, что же ее так встревожило.

«Может быть, это от того, что долго нет писем от Сергея... Нет, не поэтому! Он выздоравливает, скоро выпишется из госпиталя, и недалек тот час, когда мы встретимся, чтобы больше уже не расставаться. Работа? Но с работой у меня все в порядке. За три года, проведенные на руднике, удалось сделать многое, хотя временами и казалось, что дни летят так быстро, что не успеваешь выполнить даже самое необходимое...»

Где-то далеко задорно пропел петух, ему звонко ответил другой, и снова стало тихо. Галина сообразила, что очень рано, и решила уснуть еще часок, как вдруг отчетливо услышала в соседней комнате странный шорох.

Она приподняла голову с подушки и прислушалась. Шорох повторился, казалось, кто-то пытается снаружи раскрыть окно.

Уронив на пол одеяло, Ковригина вскочила с постели, набросила халатик и быстро открыла дверь в смежную комнату, служившую столовой. Бросив взгляд на квадратные, без ставней, окна, она испуганно попятилась. Беззвучно распахнулась оконная створка, и из-под взвившейся занавески показалась загорелая мужская рука с большим перстнем на мизинце. На письменный стол упал голубой конверт, и рука мгновенно исчезла. Тут Галина не удержалась и громко вскрикнула. В дверь, ведущую в кухню, заглянула привлеченная шумом хозяйка квартиры Александра Ивановна Веселкова. Несмотря на ранний час, она была уже одета, отглаженная косынка покрывала ее голову.

По возрасту Александра Ивановна уже старушка. Но эта энергичная и подвижная, вечно чем-то занятая женщина не производила впечатления престарелого человека. И Ковригина порой поражалась, когда только она спит. У Веселковой было достаточно домашних хлопот, но она никак не соглашалась уйти на пенсию и продолжала работать уборщицей в рудоуправлении. Всю свою молодость Александра Ивановна, – Шура, как ее тогда звали, – прожила в прислугах, и работать ей приходилось почти круглые сутки. Труд стал для нее привычкой, впоследствии она не могла и минуты находиться без дела.

Веселкова испытала в жизни немало нужды и лишений и поэтому особенно отзывчиво и сердечно относилась к окружающим. Если кто-нибудь в трудную минуту обращался к ней, она всегда готова была помочь советом, ласковым словом, зачисткой и деньгами. Поэтому старушку все искренне любили и ласково называли тетя Шура и даже тетя Шурочка.

Хозяйка квартиры привязалась к Галине с первого же дня их знакомства и относилась к ней, как к дочери.

Сейчас, увидев побледневшее от испуга лицо Ковригиной и голубой конверт, упавший на книги под раскрытым окном, она развела руками и покачала головой, не столько испуганно, сколько недоумевающе. Некоторое время Веселкова стояла молча, явно что-то обдумывая.

– Вот варнаки, ах и варнаки!.. – сердито повторяла она, качая головой. – Мало того что целыми ночами бродят по улице, так еще и окна вздумали открывать. Вот недогадливые, не могут иначе письмо девушке передать!..

Продолжая сердито ворчать вполголоса, тетя Шура подошла к квартирантке и ласково тронула ее за плечо.

– А ты, голубушка, не бойся! Может и хороший парень пишет. Лучше возьми-ка да прочитай, в чем он тебе объяснился...

– Откуда вы взяли, тетя Шура, что я боюсь? – шепотом ответила Ковригина, не отрывая взгляда от окна. – Мне даже ни капельки не страшно...

– Вот и я о том же говорю, – поддакнула старушка.

С пожарной каланчи донеслось пять гулких ударов. Галина обернулась к хозяйке квартиры, посмотрела на нее, как бы ища поддержки, и решительно подошла к столу. Разорвав конверт, она вынула сложенный вдвое листок толстой бумаги, заполненный прямыми печатными буквами, и прочитала вслух:

«Прекратите розыски минерала. Не тратьте напрасно времени и сил. А лучше всего будет, если вы как можно скорее покинете рудник. Не раздражайте Хозяина. Не доводите дела до голубого стакана, иначе вас быстро найдет Смерть!

Ваш друг».

Ковригина зябко повела плечами и невесело усмехнулась.

– Что за глупости! Каким-то стаканом вздумали пугать, – громко сказала она, как бы обращаясь к невидимому собеседнику, стоящему за раскрытым окном, и с деланным равнодушием бросила письмо на стол. Однако от Веселковой не ускользнуло, что лицо квартирантки резко изменилось. Густые, красиво изогнутые брови сдвинулись, на щеках вспыхнул румянец.

– Это какой же еще такой хозяин, кроме нашего народа, на руднике объявился, – возмутилась старушка. – Просто диву дивлюсь! Постой, постой... Стакан, говоришь...

И Александра Ивановна задумалась, как бы припоминая что-то.

– Это писал негодяй, да вдобавок еще и трус, – воскликнула Ковригина, и глаза ее гневно сверкнули. Она еще раз внимательно перечитала письмо. – Автор этой записки находится на руднике. Почерк его многие знают, поэтому он печатными буквами и написал. Угрожает, а сам боится. И кольцо на мизинце я где-то видела... Но у кого? Никак не могу припомнить!

– А ты знаешь, доченька, – строго прервала ее Веселкова, – дело-то ведь поворачивается на серьезное! Начинаю я кое-что припоминать. Вот, помнится мне, когда я была еще в девушках, лет тридцать тому назад, случилось такое же с моим хозяином... Его тоже пугали голубым стаканом... Но ты, голубушка моя, не бойся. Тогда власть была царская, продажная, честному человеку защиты искать было негде, а нынче совсем другое время. Этого дела так оставлять нельзя. Позвони-ка ты директору рудника или партийному секретарю... Звони сейчас же!

Невольно поддавшись настроению хозяйки, Ковригина быстро сняла телефонную трубку, но станция молчала. Девушка нервно стукнула по рычагу, индукции не было.

– Что, не отвечает? – взволнованно спрашивала старушка, вплотную прижавшись к плечу Галине. – Спят они там, что ли?

– Нет, тут что-то другое, – ответила Ковригина, – трубка не продувается. Аппарат испорчен или провода оборваны...

– Вот беда какая, – нахмурилась Веселкова. – Видно, не по нутру ты, дочка, кому-то пришлась. Что же делать-то, Галиночка?

– Сложив руки сидеть не буду. Действовать надо, тетя Шура, действовать! Пойду сейчас же в рудоуправление, сообщу пока дежурному, а дальше видно будет, как поступить...

Наскоро умывшись, Ковригина быстро оделась и выбежала из дому.

Улицы поселка были еще безлюдны. Лишь кое-где не спеша, по одному, по двое шли рабочие горного цеха. Подымая облако пыли, промчался табун рудничных лошадей, возвращающихся из ночного. Вдыхая полной грудью свежий воздух, насыщенный едва уловимым смолистым ароматом близкой тайги, запахами сосны и кипрея, Ковригина невольно замедлила шаг, чтобы поразмыслить над недавним происшествием.

«И чего это я так перепугалась, – думала она. – Ну что со мною смогут сделать, если я всегда на людях! Стоит ли сейчас поднимать тревогу. Еще смеяться будут, пожалуй. Скажут: из-за какого-то вздорного письма на весь рудник переполох подняла...»

Тут она увидела, что один из телефонных проводов оборван и лежит на земле. Галина вспомнила, что вчера поздно вечером, когда она возвращалась домой, ребяташки играли на этом месте в футбол. Яснее ясного, что они мячом и оборвали провод.

«Ох, какая же я трусиха! – посмеялась в душе над собою Ковригина. – Невесть что заподозрила... нет, не буду людей смешить, вернусь-ка я лучше домой, надену лыжные брюки, оседлаю лошадь и поеду по работам. О письме я директору и потом успею сказать...»

Солнце стояло уже высоко, когда Ковригина, осмотрев ближние канавные работы, решила проехать дальше, на левый склон горы Лысой. Густо испещренная закопушками, канавами и разведочными шурфами гора высилась, как лысая голова, над густым сосновым лесом, перемешанным с березняком и осинником. У подножия ее, петляя и пенясь, текла мелководная, но быстрая речка Безымянка.

Всякий раз, бывая в этих местах, Галина начинала осмотр работ с посещения старого, еще до революции заброшенного шурфа.

Вскоре после приезда на рудник Ковригина обнаружила здесь выходы ценного, но еще мало известного минерала. Несколько случаев дали Галине возможность убедиться в его удивительных свойствах... По настоянию Ковригиной главный инженер рудника после долгих споров согласился расчистить этот шурф и заново укрепить. И теперь для Галины стало привычкой, бывая ежедневно на горных работах, обязательно хоть на несколько минут спуститься в шурф и поглядеть, что нового дала подземная разведка.

Напряженная трудовая жизнь на горных выработках вызвала у Ковригиной прилив бодрости. Галина совершенно забыла об утреннем происшествии и временами даже начинала негромко напевать что-то веселое.

Пробираясь по узкой тропинке в густых зарослях черемушника, она услышала сзади храп лошади. Тут же из-за кустов появился всадник в лихо сдвинутой на затылок соломенной шляпе. В его манере держаться в седле и во всей подтянутой фигуре чувствовалась военная выправка. Ковригина еще издали узнала в нем геолога Подкорытова, месяц тому назад прибывшего на рудник и назначенного ее заместителем. Галина невольно поморщилась. Еще в годы учебы в институте они были не только знакомы, но и дружны, а одно время Галина была даже слегка влюблена в Подкорытова. Потом их дороги разошлись, и Борис Подкорытов надолго куда-то исчез. Выйдя замуж за Сергея Новикова, окончившего тот же институт двумя годами раньше ее, Ковригина вычеркнула Подкорытова из памяти. Встретившись теперь с ним здесь, на руднике, она всем поведением дала понять Борису, что прошлое забыто и они не больше чем товарищи по работе. Подкорытов почувствовал это и держался с Ковригиной строго официально, как подчиненный с начальником. Но все же и теперь Ковригина нередко ловила на себе его пристальный, точно изучающий взгляд и всячески старалась не оставаться с Борисом наедине.

На вид Подкорытову можно было дать лет тридцать пять. Это был худощавый, выше среднего роста мужчина. Когда он увидел Ковригину, его загорелое несколько застенчивое лицо озарила радостная улыбка. Придержав лошадь и поздоровавшись, Галина подробно расспросила, на каких участках побывал Борис и как там идут работы. Когда деловой разговор иссяк, она умолкла, выискивая предлог, чтобы побыстрее разъехаться с Подкорытовым. Тот, очевидно, понял ее желание, но сделал вид, что не замечает этого, и оживленно спросил:

– Ну как, Сергей не собирается сюда приехать? Ему, горному инженеру, да еще и эксплуатационщику, было бы неплохо здесь побывать... Месторождение действительно очень интересное и перспективное, как вы мне не раз говорили.

– Трудно пока сказать, приедет ли Сергей. Все будет зависеть от его состояния. Но если и приедет, то едва ли будет здесь работать. Вы же знаете, что он чуть ногу не потерял, придется ему, видимо, возвращаться в институт на научную работу.

– Жаль, жаль, – протянул Подкорытов, но Галине показалось, что в его внешне сочувственных словах прозвучала нотка радости. И снова наступило молчание. Ковригина, склонив

голову, то и дело отводила рукой ветки кустарника, обступившего едва заметную тропу, по которой они ехали.

– Скажите, Галина Васильевна, – неожиданно спросил Подкорытов, – неужели вы совсем забыли наши институтские встречи?

И, не дожидаясь ответа, взволнованно добавил:

– Юность, юность, как ты была хороша!

Его слова звучали так тепло и задушевно, что Галина, забыв свое намерение всегда держаться с Подкорытовым только строго официально, ответила также взволнованно:

– Да, вы правы, Борис Георгиевич. Студенческие годы – это самые лучшие годы.

Подкорытов уловил перелом в настроении Галины и с внезапной горечью сказал:

– Но в моей юности было мало радостных и светлых дней. И виновницей этого были вы...

– Я?.. – удивилась Ковригина.

– Да-да, именно вы, – горячо воскликнул Борис Георгиевич. – Знакомство с вами не принесло мне ничего, кроме горя. А я-то с первых наших встреч думал, что нашел в вас друга и спутника жизни...

Это было сказано с такой болью, что Ковригина с тревогой взглянула на собеседника. Голос его задрожал и оборвался. Но через мгновение он вновь заговорил:

– Вы понимаете, Галина Васильевна, я до сих пор не могу отдать себе отчета в том, что привлекло меня к вам. Не ваше матово-бледное лицо и не глаза, сияющие, а чаще всего так и искрящиеся смехом. Нет. Не внешность ваша произвела на меня впечатление с первых встреч. Поразил меня ваш жизнерадостный, энергичный характер, ваша целеустремленность, ваши творческие планы, порой казавшиеся фантастическими. Вы так увлекательно излагали их, что невольно заставляли собеседника соглашаться с вами, если даже до этого он и не верил вам.

– Вы едва ли помните, – Подкорытов слегка придержал коня, – что вскоре после нашего знакомства я пригласил вас в театр... И это я, юноша застенчивый и несмелый. Но я сумел преодолеть смущение. Вы долго отказывались, ссылаясь на то, что начинаются зачеты, времени и так нет, и все же вы согласились. Я даже не поверил сразу в ваше согласие и не помнил себя от радости при мысли, что целый вечер буду с вами! Но впоследствии я понял, что вас убедили не мои уговоры и уж, конечно, не чувство ко мне. В театр вы пошли только потому, что там шла «Анна Каренина», над судьбой которой вам лишний раз хотелось подумать и поплакать... А спутник – что? Он мог надоедать вам только в антрактах, а все остальное время вынужден был молчать и смотреть на сцену, если же ему было скучно, – мог отправиться в буфет!

– Этот вечер я помню, – в раздумье сказала Ковригина, рассеянно похлестывая лошадь прутиком, – вы были так молчаливы, что я подумала, не заняты ли ваши мысли чем-то другим, а потом решила, что вы вообще угрюмый и замкнутый человек. Я попыталась было заставить вас разговориться, но в конце концов оставила в покое...

– И я вам был очень благодарен за это, – прервал Подкорытов. – Я находился точно во сне, смотрел не на сцену, а на вас, никого и ничего не видел и не слышал, кроме вас одной. Именно в этот вечер я окончательно понял, что должен как можно чаще видеть вас, встречаться с вами. Я не знал еще, что это – любовь или только дружба. Я замечал, как все мое поведение, характер изменяются под влиянием этого чувства, но вы... – Подкорытов резко повернулся к Ковригиной, ехавшей вплотную возле него. – Вы остались такой же, какую я увидел вас впервые: веселой, неугомонной, переполненной все новыми и новыми смелыми планами. Я часами выслушивал ваши проекты... И как ни старался порою изменить тему наших разговоров – все было безуспешно. И в конце концов я увлекся вашими фантастическими идеями...

– Борис Георгиевич, – попыталась остановить его Ковригина, – зачем вспоминать об этом? Ведь все это ушло и уже никогда не вернется. – Она усмехнулась и продолжала: – К тому же, мне кажется, что вы идеализируете меня. На самом деле я не была таким увлекающимся романтиком, как вы рисуете.

– Нет, нет, – запротестовал Подкорытов, – если вы позволите, я вам напомню один эпизод! Все наши встречи неизгладимо врезались мне в память... – Он умолк и с горечью добавил: – Но эта помнится особенно ясно. Шли зимние каникулы. Погода стояла на редкость теплая, безветренная. Приготовив заранее две пары лыж, я еще до завтрака побежал в общежитие, чтобы пригласить вас на прогулку по лесу. Я постучал в дверь, мысленно подготовил фразу, с которой начну разговор, и боком пролез в комнату. И тут мною овладела непростительная робость, я готов был убежать, но ноги перестали слушаться меня. Я был, как в тумане, ничего не замечал перед собой, почти ничего не слышал...

«Вот видишь, – сказали вы кому-то, – я же говорила, что он придет!» Громко смеясь, вы схватили меня за руку и вытащили на середину комнаты. «Вот мой новый поклонник! Это в отместку тебе за то, что ты не обращал на меня никакого внимания, пока сдавал экзамены!..»

Немного оправившись от смущения, я увидел возле окна своего однокурсника Сергея Новикова. Он не сводил с вас влюбленных глаз, и тут... только тут я понял, что по-настоящему, глубоко люблю вас, но вы, вы любите другого. Сергей, не смущаясь моим присутствием, заключил вас в объятия и закружил. Я видел, что вам доставляет удовольствие его близость, и ушел. Ушел так, что вы даже не заметили моего исчезновения...

Подкорытов замолк и искоса взглянул на Ковригину. Лицо ее было одновременно и смущенным, и радостным, щеки порозовели. В уголках губ таилась едва заметная улыбка. Подкорытов хотел еще что-то сказать, но в это время тропа вывела их на обширную поляну, изрытую глубокими ямами и заваленную породой, извлеченной при проходке шурфа. Остановив лошадь возле навеса, Ковригина спрыгнула с седла. Сидевший неподалеку на пеньке горняк, увидев геолога, предупредил, что под землю спускаться нельзя: сейчас там начнутся взрывы.

Ковригина постояла, подумала и с улыбкой сказала подошедшему к ней Подкорытову:

– Хорошая у вас память, Борис Георгиевич, но кое-что вы и упустили...

По лицу ее было видно, что она с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться. Подкорытов с недоумением взглянул на нее. Лукаво глядя на него, Галина сказала:

– Вот вы все вспоминали о своей любви ко мне, а я в нее все-таки не верю! Если любишь человека, то как можно спутать его с другим?.. – И с лукавством добавила: – Вы не забыли, как Нине в любви объяснялись?!

Подкорытов заметно смутился.

– Ну, знаете, Галина Васильевна, тут я не виноват, – оправдывался он. – Такое поразительное сходство введет в заблуждение любого...

– Да, – подтвердила Ковригина, – я и сестра на редкость похожи друг на друга. Даже покойная мама, когда мы были еще детьми, чтобы не путать нас, заплетала нам в косички ленты разного цвета. Мы с Ниной близнецы, но даже и в этом случае такое сходство встречается очень редко. Разница между нами лишь в том, что Нина чуть выше меня и в плечах пошире...

Теперь и Подкорытов с улыбкой вспомнил, как он, встретив однажды Галину в парке, осмелел и разразился взволнованной речью. К его удивлению, девушка с недоумением взглянула на него, а когда он хотел взять ее за руку, неожиданно громко расхохоталась. Вскоре же выяснилось, что Борис разговаривал с Ниной Ковригиной, приняв ее за Галину. Сергей и Галина долго от души смеялись над ним, узнав об этом случае.

– А где сейчас ваша сестра? – спросил он.

– В Москве. Перед войной она окончила институт иностранных языков, потом была на фронте, а сейчас работает переводчицей. Кстати, а куда вы, Борис Георгиевич, так внезапно исчезли после окончания института?

Подкорытов нахмурился.

– Я был занят одной работой, о которой мне не хочется говорить.

Тон, которым были сказаны эти слова, вызвал у Ковригиной какое-то неясное чувство настороженности. Ей хотелось задать собеседнику еще один вопрос, но в это время из шурфа вылез горный мастер и, увидев Ковригину, радостно сказал:

– Ну, Галина Васильевна, вы оказались правы! Мы вышли на богатое рудное тело. Будете спускаться под землю?

– А как же, для этого я и приехала! Вы, Борис Георгиевич, поезжайте в управление, я тоже скоро там буду.

Кивнув головой, Галина направилась к шурфу, а ее заместитель, отведя лошадь в сторону, легко вскинул в седло свое тело и рысью взял с места.

Глава вторая

Ковригина вернулась в рудоуправление заметно возбужденной и, видимо, довольной результатами осмотра шурфа.

В большой комнате, где размещалось геологическое бюро, она застала только Подкорытова. Склонившись над планшетом, он начисто отработывал чертеж геологического разреза. Услышав шаги, Подкорытов поднял голову.

– А-а, Галина Васильевна, надолго же вы задержались! Я уже хотел посылать за вами. Вас несколько раз спрашивал Геннадий Иванович и сказал, чтобы вы шли к нему, как только появитесь.

– Зачем я ему нужна? – спросила Ковригина, оправляя перед карманным зеркальцем, закрепленным рядом с карандашами и компасом в полевой сумке, волосы, рассыпавшиеся от быстрой езды.

– Не знаю, но он прямо-таки требовал вас немедленно к себе. Так и сказал: не-мед-ленно!

Галина закрыла сумку и вышла. Проводив ее глазами, Подкорытов снова склонился над чертежом.

Когда Ковригина вошла в кабинет главного инженера рудника Комлева, она сразу почувствовала, что он чем-то серьезно озабочен. Молча указав ей на стул, главный инженер сказал:

– Мы получили директиву из главка увеличить добычу руды в четвертом квартале почти в полтора раза. Задание ответственное, требуется серьезная подготовка рудной базы. Вот по этому вопросу я и разыскивал вас сегодня с утра. Давайте будем разбираться. Какие у вас имеются графические материалы, где и откуда будем брать руду?

– Да, задание нелегкое, – согласилась Ковригина, – но полагаю, что мы с ним справимся. Я только что осмотрела тот старый шурф, на восстановлении и дальнейшей проходке которого неоднократно настаивала. Помните, вы долго не соглашались и средства дали совсем недавно. А результаты разведки поразительные! Мы сегодня вышли на богатую руду. Разрешите, я покажу на чертеже...

Ковригина взяла карандаш и подошла к висевшему на стене плану рудника. С лица Комлева постепенно исчезла озабоченность, чувствовалось, что он согласен с выводами старшего геолога и доволен ими.

– Много было различных мнений о том, как ускорить разведку, – сказала Ковригина, – но я твердо верила, что предложенная мною методика позволит быстрее дать заключение, есть ли здесь то, что мы ищем, и каковы запасы. Сейчас вы убедитесь, что мой принцип организации разведки оправдал себя. Взгляните еще раз на карту...

Этот шурф, заложенный еще до революции и заброшенный неизвестно почему, – оживленно говорила Ковригина, – помог разобраться во многом. О нем мне сообщили старые горняки. Сохранился он хорошо, так как крепление было сделано из лиственницы и поэтому почти не погнило. Потребовалось лишь незначительное восстановление, главным образом ходового отделения. Я успела осмотреть шурф, зарисовать обе стороны рудного тела и провести опробование. Результаты очень хорошие! Здесь, западнее шурфа, мы пробуруем еще три стометровых скважины и после этого сможем приступить к эксплуатации.

Комлев молчал, не спуская глаз с кончика карандаша, которым Ковригина водила по изгибам предполагаемого контура рудного тела. Он знал на память нанесенные на ватман подземные выработки. Сознывая, какая сложная задача поставлена перед коллективом рудника, Геннадий Иванович, подумав немного, сказал:

– Что ж, вы доказали свою правоту, спорить не приходится. Но вы проделали, можно сказать, только незначительную частицу работы, главное – впереди. Добычу из нового месторождения теперь придется решать комплексно, и это меня изрядно беспокоит!

Ковригина пристально взглянула на главного инженера: она поняла, на что он намекает. Собираясь с мыслями, Галина присела, продолжая задумчиво рассматривать карту, и вдруг спросила:

– Скажите, вам не приходилось знакомиться с материалами геолога Дорогина, который задолго до революции занимался изучением нашего месторождения?

Комлев удивленно посмотрел на нее.

– Нет, не приходилось. Это не тот Дорогин, которого вы как-то называли первооткрывателем нашего рудника?

– Да, он самый. Труды Дорогина почти не издавались, многие дневники и записи утрачены. Сам Василий Степанович умер при весьма загадочных обстоятельствах... Так вот, он тоже рекомендовал изучать и отрабатывать здешнее месторождение комплексно, потому что в наших рудах имеются, помимо медных, и другие минералы, которым он придавал особое значение.

Главный инженер поднялся, внимательно посмотрел на Ковригину и сказал:

– Да, с этой точки зрения Дорогин прав. Практика подтверждает его выводы. Не знаю, как мы сумеем организовать извлечение этих минералов, но то, что они сопутствуют нашим рудам, – несомненно. Кстати, я вам покажу любопытный документ, найденный в геологическом архиве. Некоторые утверждают, что он составлен Дорогиным.

Комлев подошел к сейфу и вытащил папку.

– Вот, посмотрите!

Ковригина взгляделась в развёрнутый Комлевым подклеенный на истертых сгибах чертеж и уверенно сказала:

– Предположение вполне правильное, этот чертеж составлен Дорогиным. Я хорошо знаю его почерк. Смотрите, – внезапно воскликнула она, – да ведь это же разрез того самого шурфа, который мы только что восстановили!

– Ой, путаете вы что-то, Галина Васильевна, – недоверчиво произнес Комлев.

– Уверяю вас – нет! Вглядитесь хорошенько: размеры и глубина шурфа совпадают. Что же касается автора, то категорически утверждаю, что чертеж сделан Дорогиным. Это я вижу, прежде всего, по условным обозначениям. Мне ли не знать такого характерного, склоненного влево почерка! Ведь я в институте изучала материалы, которые остались после Василия Степановича. Я прочитала также курс его лекций, ещё при жизни Дорогина отпечатанных на гектографе очень небольшим тиражом.

– Искренне вам завидую, – сказал Комлев. – Я много слышал о Дорогине, но трудов его в руках держать никак не приходилось.

– Да, его труды являются большой редкостью, но я многое прочла, поэтому и знаю, что Василий Степанович является не только первооткрывателем нашего рудника, ему же принадлежит и честь открытия необыкновенных свойств неизвестного до него минерала Зет, – как он его назвал, – который почти повсеместно сопутствует нашим рудам. Правда, Василий Степанович не успел дать полный химический анализ найденного им минерала, не указал точно ни его местонахождения, ни приблизительных запасов. Меня очень заинтересовали, больше сказать, увлекли труды Дорогина... Вот почему я поехала сюда, работаю здесь уже три года и не уеду, ни за что не уеду отсюда до тех пор, пока не завершу то, что не успел сделать Дорогин!

Ковригина задумалась, глядя на выцветшие, местами полустертые линии чертежа, и, точно про себя, тихо проговорила:

– Война застала меня в институте. На фронт меня, как я ни просилась, не взяли. Даже мужчин-старшекурсников освободили от мобилизации и велели доучиваться, а о нас, жен-

щинах, и говорить не приходилось. Я места себе не находила, и не попадись мне в то время материалы Василия Степановича, я, пожалуй, самовольно уехала бы на фронт. Но после того как столкнулась с лекциями Дорогина, я решила посвятить все силы исследованиям открытого Дорогиным минерала и целыми днями сидела в библиотеке, изучала его отчеты, делала выписки, испытывая удовлетворение от сознания, что буду полезна Родине, что вызову к жизни еще неразведанные богатства ее недр.

Ковригина взволнованно прошла и продолжала также горячо:

– А когда мне стало вполне ясно, какое огромное практическое значение имеет минерал Зет непосредственно для укрепления обороны, я дала клятву посвятить себя этому делу. И сколько бы ни потребовалось трудов и времени, я не успокоюсь и не отступлю от цели, пока не узнаю всего об этом чудесном минерале! Уже тогда я переименовала минерал Зет в минерал Дорогина: Василий Степанович вполне заслужил эту честь...

– Это хорошо, что вы знаете так много, – одобительно заметил Комлев. – Ну, а скажите, вы сами-то убедились в присутствии минерала Зет в наших рудах или только разделяете теоретические предположения Дорогина? Следы интересующих нас элементов действительно обнаружены, это и я могу подтвердить, но являются ли они доказательством присутствия минерала Зет?

– Являются, Геннадий Иванович, являются, – твердо сказала Ковригина. – Я в этом убеждена! Вы знаете, Геннадий Иванович, ведь я все время работы на руднике только тем и занята, что проверяю предположения Василия Степановича. Я делаю то же, что в свое время делал и он, только повторяю его опыты на более широкой основе.

– Понимаю, – кивнул головой Комлев, и его седина серебром сверкнула в лучах солнца. – Мне нравится ваша уверенность! Наши советские специалисты именно такими и должны быть в решении сложных вопросов – смелыми, дерзновенными, но... почему вы не поставили в известность о своих опытах меня, вашего непосредственного начальника, главного инженера? Я знаю, – заметил он поднятую в знак протеста руку Галины, – что вы предпочитаете все вопросы решать с директором рудника, а меня иной раз позволяете себе обходить. Но вы забываете, что, во-первых, я несу ответственность за всю техническую политику на руднике, а во-вторых, ведь я тоже мог вам во многом помочь! Почему вы не поговорили со мной?

– Вы, очевидно, забыли, Геннадий Иванович, что я обращалась к вам несколько раз, просила выделить людей...

– И всегда получали отказ, – подхватил Комлев, – не правда ли? А вы подумали о том, велика ли здесь моя вина? Вы решили про себя: вот чиновник, бюрократ, ему ни до чего дела нет! Не отрицайте, – сказал он, видя, что Ковригина хочет возразить, – вы могли так подумать... Может быть, даже плакали втихомолку, в уголке. Но не задумались над тем, что только год назад закончилась война, у главного инженера нет помощников, и он работает один, отдуваясь за всех? Но как только представилась возможность, я вам сразу же выделил людей и средства.

– Спасибо, но тогда зачем же вы упрекаете меня, – запальчиво сказала Ковригина, – выходит, мы не понимали друг друга. Я полагала, что вы считали мои требования глупой, ничемной затеей...

– Нет-нет, – возразил Комлев, – вы глубоко ошибаетесь. В существование минерала Зет или, как вы его называете, – минерала Дорогина, я тоже верю. А недостаточная моя помощь объяснялась, как я уже сказал, простой причиной: у меня не было и нет в запасе свободных геологов. Но сейчас я постараюсь наверстать потерянное время. Давайте не будем ссориться! Если вы согласны, можете привлечь к своим исследовательским работам вашего заместителя – Бориса Георгиевича Подкорытова... Ну как, не возражаете?

Ковригина задумалась. Комлев почувствовал ее колебания и не торопил с ответом. Конечно, кому как не ей, смело взявшейся за проверку правильности опытов ученого, умер-

шего много лет назад, решать, кто будет ее помощником. И уж если эта женщина, такая хрупкая и боязливая на вид, убедилась в присутствии редкого компонента в рудах месторождения, то она не остановится на полпути и не успокоится до тех пор, пока не добьется своего. Значит, нужно дать ей возможность подумать, взвесить...

Комлев еще раз взглянул на Ковригину и отвел глаза. В открытое окно кабинета виднелось синее безоблачное небо.

Июнь был на исходе. Слепящее солнце заливало жгучими лучами изумрудные, словно застывшие в неподвижном воздухе, кроны кедровника, широкую, отражающую свет дорогу и густо заросшие цветами луга.

Думая о Подкорытове, Ковригина испытывала странное чувство. В первую минуту, когда она увидела его на руднике, ей захотелось поделиться с ним своими сокровенными мыслями, которые беспокоили и терзали ее, рассказать о трудностях, попросить помощи. Она даже собиралась предложить ему вместе работать над изучением свойств минерала Зет.

Она понимала, что Борис охотно помог бы ей. Но какое-то не совсем осознанное чувство настороженности удержало ее от такого шага. Пусть она знает Бориса по институту, пусть они вместе учились, дружили. Но где он был все это время, чем занимался? Ей неизвестно. Так имеет ли она право открывать секрет человеку, в жизни которого не все для нее ясно?

И вот теперь, еще раз обдумав этот вопрос, Ковригина без колебания ответила главному инженеру:

– По-моему, лучше, если мы не будем привлекать Подкорытова.

– Дело ваше, я не настаиваю, – сказал Комлев, – но он опытный специалист и, бесспорно, сумел бы оказать вам большую помощь.

– А я почему-то думаю наоборот, – возразила Ковригина, – мне временами кажется, что Подкорытов будет мешать, а не помогать. Лучше я подберу кого-нибудь из молодых, недавно окончивших институт...

– Делайте, как вам лучше, Галина Васильевна, – согласился Комлев после минутного раздумья, – у меня только одна цель – помочь вам. У меня в свою очередь есть к вам вопрос, – продолжал он. – Мне бы очень хотелось знать, что помогло вам установить наличие в наших рудах минерала Дорогина?

Лицо Ковригиной просветлело, в голосе звучали теплые нотки, когда она начала:

– Это случилось вскоре после того, как я приехала на рудник... Выкраивая время от основной работы, я сразу же начала разыскивать места, в которых проводил изыскания Василий Степанович. Где только я не побывала! Исходила по окрестным горам десятки километров... И как же интересно это случается в жизни... – невольно улыбнулась Галина, – установить наличие минерала Дорогина мне помог дождь. Да-да, самый обыкновенный дождь, – повторила она, заметив недоумение на лице Комлева. – Однажды рано утром я, как всегда, собралась в разведку. Захватив фотоаппарат и дюжину заряженных кассет, я решила обследовать южный склон горы возле речки Безымянной, где до этого не успела побывать.

День выдался тихий, погожий. К обеду я успела обойти интересовавшие меня места. Запас фотопластинок был почти исчерпан, и я пожалела, что у меня с собой мало кассет. Нужно было возвращаться домой, но тут неожиданно хлынул проливной дождь, а плащ я не захватила.

Быстро перебежав большую поляну, потом маленький перелесок, я почти скатилась по скользкому от дождя склону горы. У подножия ее журчал крохотный ручеек с удивительно прозрачной водой.

Я огляделась и вдруг заметила длинный узкий проем, похожий на пещеру. Так как ливень все усиливался, мне пришлось добежать до этой щели и укрыться в ней. Немного привыкнув к темноте, я разглядела, что щель уходит далеко вглубь горы, образуя высокий извилистый коридор. Пройдя по нему до поворота, я вынуждена была вернуться, потому что меня окружила крошечная мгла, а ни фонарика, ни спичек со мной не было.

Разочарованная вернулась я к выходу, размышляя о происхождении пещеры. Внезапно я вспомнила, что в пояснениях к чертежам Дорогина упоминалось о пещере. Мне хотелось верить, что я попала именно в нее. Переждав дождь, я вышла из укрытия и сфотографировала ручеек и отвесный склон горы.

К этому времени небо вновь прояснилось, засияло солнце, и я рассчитывала, что получу прекрасный снимок. Но...

– Почему же «но»? – спросил Комлев.

– Потому, что когда я вечером проявила мои негативы, все они оказались безнадежно испорченными. Да вот, взгляните...

Достав из сумки несколько фотографий, Ковригина протянула их главному инженеру.

– Да, действительно, – сказал он, разглядывая отпечатки и негативы, – ваши пластинки, Галина Васильевна, подверглись воздействию каких-то весьма активных химических сил!

Снимки, которые Комлев держал в руках, были испещрены множеством точек.

– Это минерал Дорогина бомбардировал пластинки элементами своего распада, – объяснила Ковригина. – Он расписался в своем присутствии!

Комлев молчал, глядя в негативы.

– Вы все еще сомневаетесь, Геннадий Иванович? – нарушила тишину Ковригина.

– Нет, теперь уже не сомневаюсь, – взволнованно ответил Комлев, и лицо его стало почти торжественным. – Я поражен, вы, Галина Васильевна, сделали ценнейшее открытие и едва ли даже сами ясно представляете, какую важную задачу, и научную и практическую, вам удалось разрешить!

– Ну, что вы, Геннадий Иванович! Это же не мое открытие. Автором его является Дорогин! Моей заслуги здесь нет никакой.

Комлев помолчал и негромко спросил:

– Я надеюсь, вы тщательно проверили причину засвечивания снимков...

– Да, но на этот раз я не стала фотографировать. Взяв кассету с незанятой пластинкой, я обернула ее двойным слоем черной бумаги и ночью, в абсолютно темной комнате, подложила под образец породы, отбитой от стенки пещеры. Наутро я проявила пластинку, и что вы думаете? На негативе отпечатался контур положенного на нее рудного образца, а пластинка, кроме того, снова оказалась испещренной мелкими и мельчайшими черными точками. Да я сейчас принесу вам этот негатив, он хранится в моем сейфе...

Прервав свой рассказ, Ковригина, напевая вполголоса веселый мотив, быстро вышла из кабинета главного инженера.

Пройдя в геологоразведочное бюро, где по-прежнему в одиночестве, углубившись в чертеж, сидел ее заместитель, Галина отомкнула тяжелую дверцу несгораемого шкафа и протянула руку за негативом. Но тут же она резко наклонилась вперед и недоумевающе взглянула внутрь шкафа. Негатива и отпечатков с него в сейфе не оказалось. Ковригина вскрикнула и бессильно опустилась на стул, не сводя глаз с широко распахнутой дверцы сейфа.

Услышав слабый крик, Подкорытов вздрогнул и взглянул в сторону Ковригиной.

– Галина Васильевна, что с вами? – встревоженно вскрикнул он.

Увидев, что Ковригина сидит бледная и испуганная, Борис Георгиевич вскочил, налил в стакан воды из графина и подошел к Ковригиной. Почти тут же Галина потеряла равновесие и упала бы со стула, если бы крепкая рука не подхватила ее.

– Что случилось? – повторил Подкорытов. – Вам нехорошо? Выпейте воды...

Он приподнял голову Галины и хотел влить ей в рот хотя бы несколько капель воды. В это время в дверь комнаты раздался негромкий, но настойчивый стук, еще через минуту дверь с легким скрипом отворилась. Ковригина глубоко вздохнула и закрыла глаза, как бы утомленные резким светом. Внезапно она охватила руками шею Подкорытова. Стакан упал на пол и разлетелся вдребезги. Борис Георгиевич мгновение колебался, а потом, не обращая

внимания на открывшуюся дверь, он, потеряв самообладание от близости любимой женщины, крепко обнял ее и начал покрывать лицо поцелуями, громко шепча:

– Галиночка, родная моя... Если бы только ты знала... Ведь я люблю тебя! Люблю давно... Не отталкивай меня!..

Некоторое время Ковригина сидела не двигаясь, не сопротивляясь, как бы ничего не слыша и не чувствуя. Потом, осознав, что происходит, она резко отняла руки и оттолкнула Подкорытова. Глаза ее вспыхнули, и она с гневом поднялась:

– Если раньше я уважала вас, как товарища, то сейчас вы противны мне! Вы низкий человечешка, с мелкой душонкой, вас можно только презирать! У меня такое несчастье, а вы подумали... Стыдитесь!

Ощувив неожиданный прилив сил, Ковригина замкнула сейф, стремительно повернулась и хотела выйти из комнаты, но столкнулась на пороге с человеком в одежде горняка. Он видел всю сцену и как бы в нерешительности замер у входа. Радуюсь возможности прервать неприятный разговор, Ковригина сделала шаг навстречу вошедшему, но ее приковали к месту неестественно злые слова Подкорытова:

– Вам может дорого стоить сегодняшняя сцена!..

«Кто вымолвил эти слова? Неужели Борис? Нет, не может быть! Зачем ему меня запугивать, да еще при постороннем?»

Ковригина взглянула на Подкорытова и поразилась. Обычно застенчивое лицо его сейчас было искажено злобой. Перед нею стоял незнакомый человек. В этот миг он был буквально страшен.

Не помня себя от негодования, Ковригина опрометью выбежала из комнаты, прижав руки к груди, чтобы унять неистовое биение сердца.

Проводив ее взглядом, горняк нерешительно шагнул к Подкорытову:

– Я, товарищ инженер, только что из шахты вышел... заместителя директора жду... Просили передать, крепежник кончается, разведочный штрек вот-вот остановится...

Но вместо ответа Подкорытов в отчаянии опустил голову на руки.

Увидя это, человек в одежде горняка бесшумно вышел из комнаты, на его лице играла довольная улыбка.

Глава третья

Плотно укатанная гравийная дорога петлями поднималась к перевалу. Слева, сразу от полотна шоссе, спускался крутой стеной обрыв, густо заросший шиповником и боярышником. У подножия его кипела, перепрыгивая через камни, Безымянка, как бы стараясь обогнуть Лысую гору и вырваться на широкий простор полей.

В эти утренние часы дорога была пустынна. Только одинокий всадник, подстегивая плетью коня, рысцой поднимался в гору. Начальник рудничного отделения милиции старший лейтенант Гуцин ехал в город с докладом о своей работе. Он мог бы добраться туда и автобусом, но предпочел выехать двумя часами раньше верхом, чтобы не торопясь достигнуть города и без помех еще раз продумать самое главное, что собирался сказать в своем докладе.

Гуцин еще совсем молодой человек с приятным располагающим к себе лицом. Как и многие бывшие фронтовики, он был несколько вспыльчив, но отходчив, обладал пытливым умом.

Война не только многому научила Гуцина, но и выковала его характер. В прошлом хороший физкультурник, он стал крепким и выносливым офицером, легко переносящим невзгоды и временные лишения. Командуя на фронте сначала взводом, а потом и ротой разведчиков, старший лейтенант в совершенстве овладел нелегким искусством бесшумно и скрытно проскальзывать между вражескими дозорами, устраивать в тылу противника засады, снимать часовых и добывать «языков». Зоркий все замечающий глаз, умение обобщать и анализировать факты пригодились Гуцину и после демобилизации из армии, когда он пошел на службу в органы советской милиции. Гуцин, как и на фронте, чувствовал себя разведчиком. Вскоре он стал одним из лучших начальников отделений.

Часто проезжал Гуцин по этой дороге и всякий раз не мог не любоваться лесными красавцами деревьями и причудливыми, все время изменяющимися очертаниями окрестных гор. Внезапно он услышал отдаленный крик. Оглядевшись кругом, старший лейтенант увидел высоко на холме, позади себя, человека, быстро сбегающего по склону. Человек призывно размахивал кепкой и что-то кричал, явно обращаясь к Гуцину. Тот придержал коня и стал ожидать. Бежавший, поняв, что замечен, убавил шаг и вытер вспотевшее лицо. Когда догонявший приблизился, Гуцин узнал в нем старого лесника Мошкова...

Встречаются люди, которые, перевалив через средние годы, потом как бы перестают стариться, сохраняя молодость и подтянутость до конца жизни. Таким молодавым и нестаревшим человеком был и Афанасий Спиридонович Мошков.

Невысокого роста, худощавый, всегда опрятно одетый лесник, казалось, не знал усталости. И хотя ему давно уже перевалило за шестьдесят, в его облике не замечалось и малейших признаков дряхлости. Каждый, кто хоть однажды встречал Мошкова, надолго запоминал его продолговатое без складок и морщин лицо, пушистые седые брови, густые свисающие вниз усы и редкую бороду. Во взгляде серых, все еще не утративших блеска глаз чувствовались природная сметка и неистощимая энергия.

Гуцин подружился с дедом Афанасием еще в прошлом году, когда больше месяца бродили вместе по тайге, выслеживая коз.

Приблизившись, лесник поздоровался и молча пошел рядом с лошадей. Вынув из кармана кисет и трубку, он на ходу закурил и глубоко затянулся несколько раз подряд. Искоса поглядывая на него, Гуцин сразу же определил, что старик чем-то взволнован.

– Уж не на медведя ли ты, Афанасий Спиридонович, нарвался? – улыбаясь, спросил он.

– А что мне медведь, я их на своем веку повидал немало... – Голос у старика был слегка с хрипотцой, как у всех заядлых курильщиков. – Нет, Степан Петрович, у меня к тебе дело

поважнее! Находка мне попалась, а разобраться в ней придется тебе. Давай-ка пройдемся по лесу!

– Да что там такое? Расскажи!

– Рассказать-то я тебе дорогой кое-что расскажу, а остальное сам увидишь. Мне близко-то подойти не пришлось, поэтому я толком всего не знаю. Сворачивай вон на ту тропинку, товарищ старший лейтенант!

– Слушай, Афанасий Спиридонович, мне, конечно, не трудно прогуляться с тобой, было бы зачем. Меня в город вызвали, опаздывать не полагается, начальство ждать не любит: мигом замечание схватишь!

– От такой задержки с тобой худого не приключится. Как поглядишь на мою находку да разберешься, что к чему, так тебя не ругать, а хвалить будут! Да ты много времени и не потратишь, отсюда идти недалеко. Вот только коня придется ко мне на заимку завести – по тайге на нем не проехать, да и мешать он нам будет...

Старик говорил так настойчиво и убедительно, что старший лейтенант не смог больше возражать. За время совместных скитаний он хорошо изучил характер Мошкова: лесник не стал бы тревожить его по пустяковому делу. Беспокоила, правда, Гущина непредвиденная задержка в пути, но он тут же постарался успокоить себя: «Времени впереди еще много, успею к сроку до города добраться!»

Приняв такое решение, он спрыгнул с лошади и повел ее в поводу. Вскоре они свернули к шоссе на лесную тропу, и Мошков, идя рядом с Гущиным, начал вполголоса рассказывать о том, свидетелем чего он оказался в это утро. И чем дальше рассказывал старик, тем все с большим интересом слушал его старший лейтенант.

– В первый раз самолет прилетел тоже на рассвете, когда чуть забрезжило, – медленно, вспоминая все подробности, говорил дед. – Прилетел и давай кружить на одном месте. Я было встревожился – не горит ли где? Походил, походил по тайге – ни дыма нет, ни запаха не слышно. Зачем же, думаю, он прилетал?..

– Ну и что в этом особенного? Появился самолет и пролетел дальше, мало ли их тут летает! Почему он тебя так заинтересовал?

– А потому, Степан Петрович, – вразумительно сказал Мошков, – что было это не раз и не два. Он тут всю неделю летал и всегда в одно и то же время. Вот это меня и насторожило...

Гущин хотел было снова успокоить старика, но, взглянув на его хмурое лицо, промолчал.

– Сегодня я был недалеко от того места, где он всегда кружит, и стал следить за ним. Как услышал я гул, так и подбежал поближе. Только как ни спешил, а все равно опоздал: еще издали видно мне стало, как самолет покружился над поляной, сбросил что-то и полетел дальше. А я все бегу... Гляжу: два парашюта раскрылись, но только на них не люди, а груз какой-то привязан. Один упал у Веселого лога, где с тобой прошлой осенью кочевали, а другой зацепился за сучок на сосне возле Гнилого болота. Тут я и побежал на рудник, чтобы тебя известить...

Рассказывая, старик так быстро шел по тропе, что Гущин едва поспевал за ним. Наконец они приблизились к заимке Мошкова, обнесённой высоким частоколом. Высокая, крепкая изба весело глядела на поляну двумя окнами. В одном из них мелькнула и тут же скрылась вихрастая мальчишеская голова.

– Это что же, Николай у тебя гостит? – спросил Гущин, заводя коня в калитку.

– Он самый, на каникулы приехал! – Лицо старика озарилось счастливой улыбкой. – Мне возле него теперь повеселее стало, а только ему-то самому не радостно: все один да один дома. Я ведь целыми днями по тайге брожу, а иногда и на ночь там остаюсь...

Гущин еще раньше слышал кое-что об этом смышленном пятнадцатилетнем пареньке. Отец Николая, сын деда Афанасия, погиб на фронте в первые дни Отечественной войны. Воспринял Мошков утрату сына тяжело, но переживал ее по-своему. Он не заохал, не заплакал, а только крепко стиснул зубы и ушел в тайгу, оставив раскрытыми настежь и дверь в избу,

и калитку во двор. Больше недели пробыл он тогда в лесу и никому впоследствии словом не обмолвился, где был и что делал. Вернулся он еще более суровый и молчаливый, чем прежде, и вскоре начал уговаривать сноху отдать ему на воспитание внука, который напоминал старику погибшего сына. Но мать не согласилась: жила она в районном центре, Николай учился в школе и, как ни тяжело было воспитывать без мужа троих детей, ей все же не хотелось прерывать учение сына. Но Мошков настоял на том, чтобы Николая отпустила к нему на время каникул.

С этого времени каждый год, как только кончались занятия в школе, мальчик приезжал на таежную заимку и до самой осени жил в лесу.

– Не боится он один? – полюбопытствовал Гущин.

– А чего бояться? У нас тут тихо, зверь не заберется, лихих людей нет. Да и собака у меня такая, что не только человека, медведя сломает...

Оставив лошадь в конюшне, Мошков и Гущин торопливо зашагали дальше, напрямик по тайге. Лесник шел уверенно, руководствуясь лишь ему одному понятными приметам, и через полчаса вывел старшего лейтенанта к окраине обширного болота.

– Теперь гляди! – раздвинув кусты, дед показал на высокую, с разлапистыми ветвями сосну: на ней, слегка раздуваясь от ветра, висел зацепившийся стропами парашют.

Но не успел Гущин осмотреться, как Мошков быстро, но бесшумно отпустил ветки и присел на корточки. Резко дернув спутника за гимнастерку и приложив палец к губам, он тихо сказал:

– Тут кто-то есть, не иначе как за грузом пришли... Посидим немного, передохнем, а потом обойдем стороной. Там кусты погуще и тропка почти неприметная...

Такая осторожность показалась старшему лейтенанту вполне разумной, и он ей беспрекословно подчинился. Через несколько секунд лесник, подав ему знак следовать за ним, углубился в густые кусты малины и, слегка пригнувшись, стал стороной обходить топкое болото.

– Похоже, что никого здесь нет, кроме нас, – с досадой проговорил Гущин, отойдя на небольшое расстояние.

Но дед лишь строго взглянул на него. Только когда они прошли еще с полкилометра, он пропустил Гущина вперед, хлопнул по плечу и проговорил:

– А ты положишься на меня! Сомневаться не приходится, тут есть посторонние люди. Для кого же иначе груз стали бы сбрасывать? Да вот тебе и доказательство!..

Мошков остановился и стал вглядываться в еле заметную тропинку. По лицу видно было, что он, как настоящий следопыт, анализирует обнаруженные им приметы.

– Все понятно, – уверенно сказал он после долгого молчания. – Два человека с рудника прошли. Оба в горном цехе работают...

Гущин вопросительно поглядел на него:

– Откуда ты это взял, Афанасий Спиридонович?

– А люди эти не коренные жители, недавно живут здесь, – как бы не слыша вопроса, продолжал рассуждать Мошков.

Пройдя несколько шагов к песчаной отмели Безымянки и стараясь ступать только по траве, он поманил к себе старшего лейтенанта.

Гущин подошел ближе и сразу заметил четкие отпечатки следов. Он наклонился и стал внимательно изучать их.

– Ну, что ты видишь? – спросил Мошков, испытующе поглядывая на него и поглаживая бороду.

– Здесь были действительно два человека... перешли реку с той стороны вброд, – сказал Гущин. – Обувь подбита железными гвоздями с выпуклыми, четырехгранными шляпками... Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать!

– Глядеть ты вроде и умеешь, только не все знаешь, – едва заметно улыбнулся дед, – такими гвоздями подбивают обувь только в сапожной мастерской горного цеха, больше нигде!

– Может быть, может быть, – согласился Гушин, – хотя это пока ни о чем нам не говорит: мало ль в горном цехе народа работает, но во всяком случае зацепка у нас уже есть... А вот почему ты уверен, что эти люди здесь недавно живут? Это я, признаюсь, не понимаю!

– Ну, это штука простая, Степан Петрович, – назидательно сказал старик. – Видишь ли, дело-то какое... Коренные жители рудников, от малого до старого, знают, что Безымянка в этом месте и в летнее время глубину имеет, а после дождя вода здесь выше пояса поднимается. Старожилы поэтому переходят речку не здесь, а возле самой горы: там по камешкам пройдешь и подошвы не замочишь!

Гушин еще не знал этих подробностей и только подивился наблюдательности старика. Раскрыв висевший на груди миниатюрный фотоаппарат, он тщательно установил фокус и два раза подряд заснял наиболее четкие отпечатки следов, предварительно положив рядом с ними сантиметровую линейку. Когда он спрятал аппарат обратно в футляр, Мошков предложил:

– Ну, пошли дальше. Здесь нам делать больше нечего!

Теперь они продвигались вдоль реки, скрытые густым кустарником. Возле обрывистого склона горы дед повернул вправо и вскоре вывел Гушина на старую просеку, заросшую молодым сосняком вперемежку с кудрявыми березками. Отсюда опять стал виден висящий на сосне парашют.

– Как по компасу, куда надо было, туда и попали! – едва слышно пробормотал дед.

И заметив, что парашют раскачивается из стороны в сторону, взволнованно шепнул:

– Снимают! Гляди, Степан Петрович! Вот бы тут их и схватить!

– Не торопись, не торопись, Афанасий Спиридонович, – остановил его Гушин, защищая рукой глаза от перебегающих по листьям солнечных лучей.

Под раскидистой сосной, в ветвях которой запутался парашют, он увидел худощавого, среднего роста человека в брезентовой шахтерской куртке. С первого же взгляда Гушину показалось, что ему знакомо это энергичное, с чуть запавшими щеками, лицо. Он начал было всматриваться, но Мошков не позволил долго задерживаться на месте.

– Надо вон туда, к камню, пробраться, – настойчиво зашептал дед. – Там будет ближе и виднее, ведь здесь заметить могут... Да и слова разобрать трудно. А этого парня я видел, он на руднике работает...

Воспользовавшись моментом, когда сорвавшийся с дерева парашют шлепнулся на кусты, увлекая за собой обломанные сучья, они перебежали просеку и спрятались за высоким гранитным валуном.

Тут Гушин заметил и второго человека, который, не спеша, начал умело складывать парашют. Это был высокий, плечистый, очевидно, очень сильный мужчина, в зеленой майке, плотно обтянувшей его высокую, почти женскую грудь. Кривые почерневшие зубы, видневшиеся из-под приподнятой верхней губы, и приплюснутый нос делали неприятным его широкое, скуластое лицо. Он вырыл яму, положил туда парашют, забросал землей и сверху прикрыл мхом. Второго парашюта не было видно.

«Успели уже закопать», – подумал Гушин и в это время услышал негромкий голос незнакомца в брезентовой спецовке.

Странное дело: голос его тоже показался знакомым Гушину.

– Теперь-то, конечно, не время! Прикроем ветками – и хватит, – ответил мужчина с приплюснутым носом. – Ну, а как ты думаешь: самолет весь груз выбросил? Не помешал ему, случайно, кто-нибудь?

– По-моему, нет! Хозяин заказывал: «Сбросьте два парашюта!..» На самом деле так и есть: два!

– Хозяин?.. – рослый мужчина окинул недовольным взглядом своего собеседника. – Надо тебе с Хозяином пореже встречаться, а то заметить могут.

Человек в брезентовой куртке улыбнулся:

– Не умирай раньше срока, Силач, и поменьше за мной следи! Ты лучше на себя посмотри: зачем набрал столько аппаратов, что даже карманы оттопырились? Да еще и ампулы собираешься взять...

– Беру то, что необходимо... Эту девчонку, Ковригину, я угошу, как полагается... Не понимаю, почему ты с нею так долго церемонишься?.. У меня уж терпение лопнуло!

– Да перестань ты орать на весь лес!.. И еще по фамилии называет! Ты что, с ума сошел? Мы же условились называть ее Преградой! – оборвал мужчину в спецовке. – И потом... знаешь, Силач, все делается так, как нужно. Не суйся, куда тебя не просят, если не хочешь неприятность себе нажить! Кончай побыстрее свои дела, и пойдём, мы и так слишком долго задержались! Могут увидеть...

– Эх ты, заяц, а еще Смелчаком зовешься!.. Ну какой дурак полезет в такую непроходимую глушь...

– А Преграда?.. Ты же сам знаешь, какая она непоседа. Но еще хуже получится, если на лесника нарвемся...

– Потому и нужно поскорее с ней рассчитаться, – буркнул мужчина в майке, которого называли Силачом. – Я из-за нее даже сон потерял! А старика тоже давно надо было убрать... Сейчас им Магда занялась, она не такая белоручка, как ты... справится!

Гущин неотрывно наблюдал за собеседниками, стараясь запомнить каждое их слово... Больше всего волновала его угроза человека в майке уничтожить Ковригину. Ведь по роду своей работы Ковригина одна забиралась далеко в тайгу. Там преступникам нетрудно будет справиться с ней.

«Надо будет предупредить Ковригину, чтобы остерегалась одна заезжать далеко, а то и наблюдение установить придется», – думал Гущин. Одного он только не понимал, чем так заинтересовала Ковригина этих людей, почему они так ненавидят ее?

Гущин знал, что Ковригина руководит разведкой южной части месторождения... Ну и что же в этом особенного? Северная или южная часть – не все ли равно? Мало ли на каждом руднике работает инженеров, которые изучают залегание полезных ископаемых? Это их основная работа, для того они и учатся...

«А, может быть, Ковригиной удалось сделать какое-либо важное открытие и, уничтожив ее, неизвестные надеются получить техническую документацию», – размышлял Гущин.

Тут старший лейтенант услышал, как незнакомец в зеленой майке вполголоса сказал:

– А все-таки, Смелчак, надо бы сходить за перевал... Вдруг и там с самолета что-нибудь сбросили? – Человек в брезентовой куртке махнул рукой:

– Мое дело маленькое... Спроси разрешения у Хозяина!

В голубых просторах неба медленно плыли легкие, пушистые облачка. Вокруг стояла ничем не нарушаемая тишина. Внезапно, совсем рядом, из кустов пулей вспорхнула крохотная птичка, резко захлопав крылышками. Поглощенный мыслями, Гущин даже вздрогнул от неожиданности и только тут почувствовал, что от разогретого солнцем валуна пышет жаром. Он слегка отодвинулся и бесшумно повернулся на бок, чтобы высвободить ремень фотоаппарата. Сделав точную наводку, старший лейтенант выждал удобный момент и как раз, когда Смелчак, волоча с собою охапку хвороста, повернулся боком, нажал на спуск.

Затвор щелкнул еле слышно, но человек в майке насторожился, сунул правую руку в карман брюк и огляделся. На секунду его взгляд задержался на глыбе, за которой лежали Гущин с Мошковым. Не заметив ничего подозрительного, он прикрыл ладонью глаза от солнца и отвернулся.

Дед Афанасий решил, что настала пора действовать.

Он придвинулся вплотную к Гущину и зашептал:

– Надо сцапать бандитов, а то уйдут!.. Ишь, собираться стали!..

Гущин отрицательно покачал головой.

Мошков решил, что Гушин не понял его. Но едва он снова зашептал, как старший лейтенант резко оборвал:

– Да не возись ты, Афанасий Спиридонович!.. Все дело можешь испортить...

Старик даже побагровел от обиды. Когда он вновь заговорил сдавленным шёпотом, голос его дрожал:

– Значит так понимать надо, Степан Петрович, что я тебе вроде как мешаю?..

Но Гушину было сейчас не до переживаний Мошкова. И когда Мошков вновь попытался подняться с травы, он с силой придавил его к земле и негромко, но твердо сказал:

– Лежи!.. Дай послушать!

Такая сила убеждения прозвучала в его тоне, что лесник послушался.

Только через несколько минут он приподнял голову, повернулся на бок и даже перестал смотреть в сторону неизвестных.

Глава четвертая

Когда Гуцин и Мошков вышли из-за своего укрытия, расправляя онемевшие от долгого лежания ноги и руки, время уже перевалило за полдень.

– Зря только время потратили! – не глядя на старшего лейтенанта, проворчал старик после продолжительного молчания.

– Зря?.. Это почему же зря?

– Как почему? Он еще и спрашивает!.. Полдня провели, все как есть разузнали, а бандитов все равно не схватили!.. – негодуяще воскликнул Мошков. – Теперь вот поищи да уличи их!.. Э, Степан Петрович! Похоже, что испугался ты! А еще начальник милиции, бывший фронтовик! Или оружия с собой не захватил, дома оставил?

– Э-эх, Афанасий Спиридонович! – в тон ему, насмешливо повторил Гуцин. – Беспокойная твоя душа! И не испугался я, и оружие при мне, а все-таки по-иному решил поступить. Ты сам вот подумай, был ли смысл схватить второстепенных преступников? Мы бы этим все испортили, головка успела бы спрятаться! Нет, дедушка, в таком серьезном деле торопиться нельзя! Надо тянуть за ниточку умеючи, так, чтобы весь клубок сам собой размотался!..

– Так ты что же думаешь? – несколько даже опешил дед. – По-твоему, кроме этих бандитов на руднике и другие еще есть?

– Ты же сам слышал, они Хозяина поминали. Значит, есть у них не только помощники, но и главари! Если не на самом руднике, то где-то поблизости. Но вот – где? На этот вопрос найдут ответ более опытные люди...

– Так давай тогда, Степан Петрович, хоть эти коробки и пакеты перепрячем подальше, – кивнул Мошков на кучу хвороста, которым был завален груз. – Ведь эти проходимцы могут большой вред руднику причинить!

Но Гуцин не согласился и с этим предложением.

– Этого тоже нельзя делать, чтобы раньше времени не спугнуть, Афанасий Спиридонович, – спокойно возразил он. – Когда нужно будет, их всегда сумеют задержать. Давай вот о чем договоримся... Я подумаю, что лучше сделать... Тебе же придется за грузом присмотреть. Но делай так: всех, кто бы сюда ни пришел, только запоминай, а не трогай. Да смотри, чтобы тебя самого не выследили! Сам слышал, Магда какая-то за тобой охотится.

Взглянув на помрачевшее лицо Мошкова, Гуцин понял, что это предупреждение оскорбило старика до глубины души.

– Прости меня, Афанасий Спиридонович, – сказал он ласково, – нисколечко не хотел тебя я обидеть, но привычка на фронте выработалась: когда лишний раз бойца предупредишь, то и на сердце спокойнее становится! А я твою горячность знаю, потому и говорю: остерегайся!

– Ладно уж, Степан Петрович, – угрюмо ответил старик. – Обижаться я не стану, и дело сделаю... А остерегаться мне кого? Этих бандитов? Такой мрази? Да я их не только не боюсь, а плевать на них хотел!.. Мне, старику, не впервые в глаза беде глядеть...

– Мразь-то они мразь. Да мразь хитрая и ни перед чем не остановится. Так что будь начеку.

Но хотя Мошков и согласился охотно, обрадованный таким серьезным поручением, все-таки чувствовалось: он и сейчас недоволен, что не сумел убедить Гуцина в необходимости перепрятать опасный груз...

Они отправились на заимку той же едва заметной тропинкой, по которой незадолго перед тем ушли Силач и Смелычак. Пройдя с километр по их следу, дед Афанасий внезапно увидел в густой траве, среди груды валунов, заросших мхом и брусничником, небольшую картонную коробочку.

– Ишь, до чего прытко бежали, – проговорил старик, остановившись и внимательно рассматривая следы. – Даже не заметили, как поклажу растеряли! Испугались они, что ли?.. Да нет, спокойно шли, друг за другом... – И, подумав немного, спросил: – А может, с целью бросили?

Гущин, внимательно осмотрев, поднял коробочку и открыл крышку. Мошков с любопытством потрогал пальцем находящуюся в ней металлическую вещь:

– Что бы это такое, Степан Петрович? Не запальная машинка, случаем?

– Нет, – задумчиво покачал головой тот, – не запальная и не адская...

– А что же?

– Не смогу ответить на твой вопрос, сам впервые вижу такую штуку. – И, спрятав коробочку в карман, Гущин добавил: – Знающие люди скажут, для чего предназначен этот аппарат!

– Пока твои умники будут думать да гадать, эти негодяи рудник на воздух подымут. А кого потом виновником назовут? Нас с тобой! И правильно назовут, потому что вовремя не задержали бандитов

– Перестань беспокоиться, Афанасий Спиридонович! Я уже объяснил тебе и сейчас повторяю: не уйдут от нас эти молодчики, слышишь, не уйдут! А этой машинкой рудник не взорвешь! Для какой цели она предназначена, пока не знаю, но в одном уверен твердо – она не для взрыва. Меня сейчас другое волнует... Придется все-таки тебе сходить за перевал и поглядеть там. Может, в самом деле самолет еще парашют бросил. Если и зря время потратишь, зато уверенность будет... Только поосторожнее.

– Правильно, правильно! – Лицо деда немного прояснилось. – Схожу и посмотрю...

Они некоторое время шли молча. Когда тропинка привела их к Безымянке, Гущин сказал:

– Ну что ж, здесь нам нужно разойтись: я зайду к тебе, возьму лошадь, а ты осмотри перевал.

Старик кивнул головой в знак согласия...

Перейдя вброд речку, старший лейтенант свернул на тропку, ведущую к заимке, а дед Афанасий постоял немного в раздумье, потом повернул вправо, к видневшимся вдали вершинам гор.

Ворота заимки Мошкова оказались запертыми, а через высокий забор Гущин не смог перебраться. Присев на завалинку, он решил ждать прихода деда, как вдруг оконная створка с треском распахнулась и показалась всклокоченная белокурая голова внука Мошкова, Николая.

– Степан Петрович, это вы? – радостно воскликнул он. – Сейчас открою. Это я запер ворота.

Когда Николай впустил его во двор, Гущин сказал:

– А я думал, что ты тоже ушел.

– Нет, я вас дождался. Когда вы утром с дедом заходили, я встал было, дверь за вами закрючил, а сам опять прилег и уснул. Лежу и вдруг слышу стук и голос чужой... Вскочил, вышел в сени и вижу... – Глаза мальчика расширились и стали беспокойными. Его худенькое лицо еще больше побледнело. Он оглянулся по сторонам, словно опасаясь чего-то, и придвинулся ближе к Гущину.

– Ну и что же ты увидел? – понизив голос, спросил старший лейтенант, которому невольно передалось волнение мальчика.

– Вижу, стоит на крыльце женщина молодая, красивая. Кофточка на ней шелковая, зеленая-зеленая, а в руках желтая сумочка. – Николай перевел дыхание. – Стоит и все оглядывается по сторонам, как будто дожидает кого или что-то слушает...

– Что это, Коля, с тобой приключилось? – пошутил Гущин. – Ты даже не мужчины, а женщины испугался!

– Да нет, Степан Петрович, я тогда еще нисколечко не испугался, а только потом... Попросила она воды, зашла в дом и так внимательно оглядела кухню и комнату. Потом спро-

сила, не заезжал ли сегодня к нам кто-нибудь с рудника? Я сказал, что у нас давно никого не было, а дедушка ушел в тайгу. Тогда она достала из сумочки две конфетки в цветных бумажках и дала мне. Вон они на столе лежат. «Это, – говорит, – вечером, как дед вернется, чай пить будете, одну сам съешь, а вторую дедушке дай, пусть и он попробует!» Улыбнулась и ушла, а мне что-то так страшно стало. Я скорее ворота на запор... А конфет ее я есть не стану... И дедушке не дам.

Гущин подошел к столу и, разглядывая конфеты, одобрительно сказал:

– Правильно сделал, что не стал есть. Ты ведь не знаешь, что это за женщина и зачем она заходила. Эти конфеты я возьму с собой, а тебе вместо них другие привезу. Ну как, согласен?

– Согласен. Мне ее конфет не надо!.. Сама улыбается, а глаза у нее злые-презлые, – быстро проговорил Николай и опять оглянулся на раскрытое окно. Придвинувшись совсем близко к Гущину, он полушёпотом добавил: – Я вам еще не все рассказал...

– Давай говори, да не спеши...

– Вон видите ту рябину, рядом с высокой елкой? Видите? – Он взял Гущина за руку и подвел к окну.

– Вижу.

– Ну, так вот... Когда она вышла со двора, то поглядела во все стороны, вынула из сумочки белый платок и начала им обмахиваться, будто мошку отгоняет... А мошки сегодня совсем не было. Пошла она по тропинке и все время платком машет... Тут из-за рябины вышло двое мужчин – один в брезентовой куртке и в кепке, а другой – повыше его ростом, в зеленой майке. Постояли немного и пошли за этой женщиной, только близко к ней не подходили. Так все трое и ушли...

– Вон какой ты наблюдательный, оказывается, – похвалил Гущин и еще раз взглянул на разросшийся куст рябины. – Молодец, Коля! Хороший охотник из тебя выйдет. Знаешь что, ты дедушке про этот случай не говори, не надо его тревожить! А я тебе одно задание дам, хочешь?

– Какое? – насторожился мальчуган.

– Если ты эту женщину встретишь еще раз, узнаешь её?

– Узнаю, Степан Петрович.

– А если она будет в другом наряде?

– Все равно узнаю!

– Сходи тогда сегодня вечером на рудник, в клуб. Кино посмотришь и, может быть, эту женщину встретишь. Но не вздумай заговорить с ней. Ты только издали погляди, что она будет делать.

– А потом что сделать, если увижу?

– Придешь ко мне и все расскажешь. Понял?

Николай утвердительно кивнул и гордо улыбнулся от сознания важности доверенного ему дела.

От займки Гущин поехал не прямо на рудник, а через лес направился к Лысой горе, видневшейся вдали. Сделав большой круг, он спустился к шоссе почти у того места, где утром встретился с Мошковым. Отсюда повернул в сторону рудника, как будто возвращаясь из города. Он не спеша проехал рабочий поселок и направился к горному цеху. Остановившись возле каменного здания, Гущин спрыгнул с седла, привязал коня к изгороди и вошел в сапожную мастерскую.

– К вам за помощью, – сказал старший лейтенант, поздоровавшись. – Дня не проходил по городским мостовым, а уже все набойки посбивал. Вот посмотрите, что делается!

Пожилый сапожник Оконников, с которым до этого Гущин встречался несколько раз, мельком взглянул на его сапоги и сказал:

– Этому горю помочь легко, только за красоту не ручаюсь. – И кивнув на банку, наполненную короткими гвоздями с четырехгранными выпуклыми шляпками, добавил: – Если не

будете возражать, вот этими гвоздями и подобьем вам набойки. За прочность могу поручиться, на целый год хватит!

Степан Петрович согласился, подумав: «Прав дед Мошков, ясно, что один из этих бандитов работает в горном цехе».

На отпечатке следа обуви, который он сфотографировал на берегу Безымянки, был виден ясный отпечаток точно таких гвоздей. Теперь надо отыскать хозяина обуви, узнать, кто он такой, но это не так-то легко, хотя фотография и поможет опознать его!

Послав в город нарочного и получив по телефону приказ представить срочное донесение о событиях минувшего дня, Гуцин немедленно занялся составлением докладной записки, но все это время его не покидала мысль о том, что он в прошлом не только встречал Смелчака, но и разговаривал с ним. Но где, когда, этого старший лейтенант никак не мог воскресить в памяти. Досадливо поморщившись, он закурил новую папиросу и стал прохаживаться по ковровой дорожке, устилавшей пол кабинета.

Уже стемнело. Росшие под окном деревья потеряли четкость очертаний и точно растворились в ночи. Яркие звезды загорелись в небе.

Гуцин остановился возле окна и, глядя на полосы света, падающие из окон домов на широкую улицу, напряженно думал, восстанавливая все подробности насыщенного такими волнующими событиями дня.

Сколько времени простоял Гуцин перед раскрытым окном, он не смог бы сказать. Но за это время старший лейтенант сумел все же привести в порядок воспоминания, связанные с человеком, которого сегодня сфотографировал в лесу. Гуцин ясно вспомнил, где и когда раньше встречал он человека, на которого так похож Смелчак.

Глава пятая

Радостным оказался этот день для майора Новикова. Госпитальный врач, Надежда Сергеевна Горбунова, осмотрев его во время утреннего обхода, весело сказала:

– Все идет хорошо, товарищ, майор! Хватит, пожалуй, вам лежать, пора привыкать к ходьбе. Не возражаете?

Новиков обрадовался. Лежать неделями без движения было для него тяжелой пыткой. К тому же и читать ему было запрещено, после ранения в голову врачи опасались осложнения. Радостно засмеявшись, майор ответил:

– Спасибо, Надежда Сергеевна! Я даже мечтать перестал о том дне, когда подымусь с койки!

– Рано еще благодарить! Давайте будем пробовать.

И Горбунова, взяв от соседней кровати костыли, подала их майору.

На бледных щеках Новикова появился едва заметный румянец. Когда он попытался встать на ноги, голова закружилась, усилилась боль в бедре, но Горбунова поддержала майора, и он, пересиливая боль, сделал вид, что нога больше не беспокоит его.

Пока майор с большим напряжением, медленно передвигался от койки к двери палаты, Надежда Сергеевна сидела на стуле и зорко наблюдала за ним, как за ребенком, делающим первые в своей жизни шаги. Новиков дошел до середины палаты и обернулся, словно ожидая, чтобы его похвалили. Горбунова улыбнулась.

– На сегодня хватит, – сказала она, вставая. – Нужно побольше верить в себя, и дело пойдет. Не ленитесь тренироваться в ходьбе каждый день. Ручаюсь, что через месяц танцевать будете!

Решив использовать хорошее настроение Горбуновой, Новиков быстро сказал, стараясь подбирать самые убедительные слова:

– А читать, Надежда Сергеевна, неужели и теперь не разрешите? Головные боли меня больше не мучают. Да за книгой я буду меньше и о болезни думать.

Взгляд майора сказал врачу, как мучительно переживает Новиков свою временную беспомощность.

– Хорошо, – сказала Надежда Сергеевна, подумав, – можете читать, но предупреждаю, слишком не увлекайтесь. Это может вызвать осложнение. Не забывайте, что у вас было ранение в голову.

Чувствуя, что долгожданное разрешение придало ему новые силы, Новиков еще раз, уже более решительно, прошелся по палате и остался доволен своими успехами. Но возникшая у него тут же мысль огорчила его: «Нечего! А ведь читать-то мне нечего!»

Библиотека госпиталя работает два раза в неделю и сегодня как раз закрыта, а товарищи вряд ли уступят ему книги, которые сами читают. И тут он вспомнил про тетрадь, случайно попавшую ему в руки на фронте, возле Беловежа.

Новиков с трудом наклонился и достал из тумбочки полевую сумку. Открыв ее, он увидел среди бумаг толстую, немного потрепанную общую тетрадь в черной клеенчатой обложке.

Расположившись поудобнее, майор взял тетрадь, но не сразу раскрыл ее. Воспоминания недавнего прошлого овладели им. Боевые друзья, товарищи по оружию, где вы сейчас?.. И ему живо вспомнился день, в который наступил для него конец войны, еще задолго до ее окончания.

...Было очень пасмурно. Серые, набухшие влагою тучи низко ползли по небу. Временами начинался дождь, мелкий, пронизывающий. Подхватываемые порывами холодного ветра капли больно ударяли в лицо. В утренней дымке едва виднелись очертания развалин города,

находившегося за позициями немцев. Всюду, куда ни взгляни, видны разрушенные дома, остатки стен, выжженные огнем, изрешеченные осколками бомб, гранатами, пулями.

Новиков уже в течение нескольких часов изучал местность, стараясь найти наиболее скрытые подходы к обороне противника. В маскхалате, с биноклем в руке, он лежал на небольшой высоте среди бурых кустов орешника, как вдруг его окликнули из блиндажа.

С наблюдательного пункта сообщали: возле опушки леса, неподалеку от вражеских окопов, появился человек в штатской одежде, короткими перебежками он приближается к нашим траншеям. Взглянув в указанном направлении, майор сразу увидел этого человека возле срезанного снарядом дерева. Но странное дело! Он залег в укрытие не со стороны противника, а с нашей, как будто прячется от своих.

Помедлив немного, человек прыжками преодолел порядочное расстояние и упал возле другого, очевидно, заранее намеченного дерева. Там он долго лежал, не шевелясь, словно проверяя, заметили его или нет.

«Очевидно, перебежчик! – решил Новиков. – Это нам кстати, не нужно будет посылать разведчиков за “языком”».

Противник все еще не замечал бегущего, скрываемого деревьями и кустами. Но добравшись до широкой полосы сплошь вырубленного леса, человек долго не решался двинуться дальше по открытому месту, пристрелянному с обеих сторон.

«Да, здесь ему так легко не перебежать, – подумал майор. – Немцы заметят и сразу накроют его минами...»

Он приказал пулеметчикам приготовиться, чтобы в случае надобности незамедлительно открыть огонь, прикрывая бегущего.

Дальше произошло именно то, что предполагал Новиков. Дождь усилился, беглец показался из-за куста и по-пластунски пополз через просеку. Но не успел он сделать и десятка метров, как на поляну обрушился шквал металла. Немцы били из автоматов и пулеметов, бросали мины.

Новиков приказал ответить тем же. А беглец все полз, часто меняя направление, не обращая уже внимания на мины и пули, словно стрельба велась не по нему, а по кому-то другому. И вдруг на его пути оказалась огромная воронка от авиабомбы, наполовину залитая грязной водой.

В этот момент стрельба со стороны противника усилилась. Беглец внезапно поник головой и сполз по откосу в воронку.

«Ранен или убит?» – спросил себя Новиков и тут же приказал это выяснить, однако безрезультатно: немцы вели шквальный огонь, подобраться к воронке и думать было нечего! Поползшие туда бойцы вернулись ни с чем.

То же самое пытался сделать и противник. Как только наш огонь ослабевал, немцы начинали ползти к воронке. Несмотря на потери, они упорно повторяли свои попытки и прекратили их только тогда, когда советские части начали наступление на всем участке.

Не успели бойцы Новикова проникнуть в расположение обороны противника, как майор прополз к воронке, где находился перебежчик. Тот лежал без сознания. Никаких документов при нем не оказалось, только по отдельным вырывающимся у него в бреду словам можно было заключить, что он русский. Подоспевший санитар, осмотрев и перевязав раненого, обнаружил у него на груди, под поношенной суконной гимнастеркой, эту общую тетрадь в черном клеенчатом переплете.

Когда Новиков поинтересовался, в каком состоянии раненый, санитар уверенно ответил:

– Выживет, товарищ майор. Правда, крови потерял много, но он человек молодой и, видать, крепкий.

Раненого с первой же двуколкой отправили в медсанбат, а тетрадь Новиков спрятал в свою полевую сумку, решив после боя обязательно прочитать, но в этом же бою он и сам был

тяжело ранен. И вот только сейчас, спустя почти два года, наступил момент, когда можно будет ознакомиться с находкой.

«Ну что же, не станем терять времени!» – сказал мысленно майор и откинул обложку.

С первой же страницы возникло затруднение. Прежде всего, оказалось невозможным разобрать фамилию автора. Хотя она и была написана крупными буквами, но некоторые из них были стерты, а остальные, густо залитые кровью перебежчика, были едва различимы.

Майор взял платок, смочил его одеколоном и осторожно попытался смыть с заглавного листа кровь и грязь. Это несколько помогло: буквы, составляющие фамилию автора, проступили более отчетливо, и Новиков, наконец, прочел:

«...рогин».

Первые буквы оставались неразличимыми, и как Новиков ни напрягал зрение, ему не удавалось их разобрать.

Эта неудача еще больше разожгла любопытство майора. Он достал из сумки лист бумаги и карандаш и принялся подставлять буквы в начало слова. Поупражнявшись таким образом около часа и перебрав множество фамилий, Новиков так и не пришел к определенному выводу.

– Итак, «Записки...рогина», – решил Новиков.

Не задерживаясь больше, он принялся за самый текст, но и тут его постигла неудача. Первые листы записок оказались настолько ветхими, а текст таким неразборчивым и перепачканным, что прочесть их оказалось совершенно невозможно. Раздосадованный Новиков вынужден был перелистать шесть страниц подряд, решив в будущем приобрести увеличительное стекло и разобрать пропущенное. Зато первые же разборчивые строки сразу захватили его. Он даже несколько раз повторял про себя шёпотом:

– Открытие гнилого болота...

Из «Записок...рогина»

«Очень трудно, а порой и невозможно изложить на бумаге все те думы и мысли, которые навязчиво преследуют тебя, особенно, когда находишься в одиночестве, вдали от семьи, от близких и друзей.

А сколько пришлось пережить, перечувствовать, как трудно было найти силы все время бороться с сомнениями, охватывающими тебя. Исправлять допущенные ошибки, в себе самом обретать уверенность в правильности избранного пути, не отступать от раз и навсегда поставленной цели!

Как я благодарен своим родителям, сумевшим с раннего детства приучить и приохотить меня к труду, к самостоятельности, научить не бояться лишений. По существу только упорство, терпение, желание служить своему народу, отчизне дали мне возможность сделать это открытие, которое с точки зрения некоторых людей, называющих себя учеными, считается даже неправдоподобным.

Теперь все это отчасти позади. Сейчас остается только суметь доказать. Ученый мир, надо полагать, – да еще у нас, в отсталой, полуфеодальной стране, – примет мое открытие недоброжелательно. Поэтому придется перенести немало лишений. Надо, прежде всего, суметь продержаться хотя бы год и найти необходимые средства к существованию для семьи и себя. Едва ли поддержит меня купец-промышленник, который приобрел за бесценок открытое мною месторождение медной руды».

«Значит, автор записок был горным инженером и писал их еще до революции», – подумал Новиков и с нарастающим интересом продолжал читать дальше.

«...Но не стоит себя огорчать и забегать вперед: время пока еще терпит. Главное сейчас в том, чтобы день и ночь, не теряя ни минуты, заниматься исследованием. Теперь я оконча-

тельно уверен, убежден, что минерал Зет сопутствует рудам открытого мною месторождения. И недалек час, когда этот минерал не только займет место в петрографических справочниках, но и будет по праву считаться самым ценным, самым необходимым веществом, без которого станет немислимо существование человечества. Я уже сейчас вижу великое будущее нового минерала! Да, признаюсь: мое открытие и радует и очень волнует меня.

Еще очень многие свойства минерала непонятны, труднообъяснимы. Это как раз то, над чем немало придется потрудиться не только мне, геологу, но и главным образом химикам, физикам. Тем не менее, даже на заре юности этого еще не изученного как следует вещества, я уверенно заявляю – все ранее открытое по сравнению с ним – ничто!

Та страна, тот народ, который будет обладать этим минералом и не будет стремиться к насилиям, не станет преследовать корыстных целей, может осчастливить человечество. И непоправимое случится, если минерал Зет попадет в руки шайки людей бессовестных и жадных до наживы: тогда он может сделаться страшным оружием. Оно принесет неслыханные страдания всем народам».

Следующей по порядку странички в записках не оказалось, и Новиков даже не сообразил сначала, отчего содержание записок так резко изменилось. Вдобавок некоторые страницы записок оказались совершенно чистыми. При тщательном изучении их Новиков догадался, что здесь ранее были приклеенные автором фотоснимки или же геологические зарисовки открытого им месторождения.

Оторвавшись от тетради, майор взглянул на проходившего мимо соседа по палате старшего лейтенанта Коврова. Он хотел было рассказать ему об интересных записках, но тут же раздумал и снова углубился в чтение. Уловив напряженный взгляд майора, Ковров остановился, ожидая, что тот скажет. Поняв же, что Новиков поглощен чтением, он отвел глаза и молча вышел из палаты.

Новиков, минуя геологические детали, которые все равно без графического материала разобрать было очень трудно, читал страницу за страницей, стараясь как можно быстрее дойти до существа дела. Ведь не зря перебежчик, которого, может быть, давно уже нет в живых, с риском для жизни нес эту тетрадь через фронт.

«... Многие современные мне ученые утверждают, будто бы открытие чего-нибудь нового всегда является случайностью. Но со мною произошло не так. Еще в тот момент, когда я дочерчивал графические материалы по месторождению меди, которое было мною открыто и разведано, большой интерес вызывала у меня гора Лысая, особенно с точки зрения флоры. Уж слишком большие контрасты наблюдались на разных горизонтах.

Сама вершина горы совершенно лишена следов растительности, но чем ниже спускаетесь вы к подножию, тем все резче, буквально на глазах, меняется картина, – и вы попадаете в иной, цветущий мир. Трудно понять, почему здесь, среди гранитных обломков и кварцевых обнажений, возникло такое обилие высоких трав и ярких цветов, небывалой высоты кустов шиповника и рябины, черемухи и боярки, и даже могучего кедровника.

Эта буйная флора должна быть вызвана к жизни какими-то особыми источниками плодородия. Но какими? Над этим таинственным явлением я думал и днем и ночью.

Возвращаясь как-то в лагерь после осмотра наших разведочных работ на горе Лысой, я сбился с пути и вышел на широкое болото, прозванное местными жителями – Гнилым.

Действительно, от него исходил резкий гнилостный запах. Но меня поразила растительность, которую я здесь увидел. Отлогие берега болота казались заросшими пышными, в человеческий рост, причудливыми травами вперемешку с огромными, необычайно душистыми цветами.

Вначале, когда я был еще далеко от болота, спокойная поверхность его показалась мне мрачной. Густая на вид, насыщенная гниющими остатками растительности, вода была тёмно-коричневой, почти черной, и вызывала даже отвращение. Но в то время как я подходил ближе, пробивая и расчищая себе дорогу, с безжизненной поверхностью болота произошло на моих глазах что-то труднообъяснимое. Она внезапно всколыхнулась, заволновалась, словно от порыва ветра, хотя в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения. Темная вода заблестела, заискрилась, как грань алмаза, через минуту она стала зеркально-прозрачной, потом голубой, как даль неба...

Впоследствии, по истечении года, я сумел дать правильное объяснение этим беспричинным с виду изменениям, происходящим на поверхности болота. Но не буду забегать вперед.

В тот вечер, вернувшись из тайги позже обычного, я, несмотря на усталость, решил, прежде всего проявить сделанные за день фотоснимки. Я быстро принялся за дело, но с огорчением убедился, что все они испорчены. Негативы были густо усыпаны черными точками и полосами.

У меня возникла мысль, что, может быть, пластинки были некачественными? Но я тут же отбросил это предположение. «Зачем обманывать себя, – подумал я, – искать несуществующие причины? Ведь я отлично знаю, что пластинки не могли быть засвеченными! К тому же и брак на моих негативах не походит на обычный. Надо теперь проверить, при каких обстоятельствах светочувствительная эмульсия подвергается таким изменениям».

На другой день я зарядил два десятка кассет из разных коробок и сделал несколько снимков в разных местах, в том числе на горе Лысой. На обратном пути я вновь свернул к Гнилому болоту и с того же места, где производил фотографирование накануне, тоже сделал несколько снимков. Часть пластинок я не использовал, но проявил всю партию... И снова все без исключения негативы оказались в черных точках и полосах!

Тайна в какой-то степени была мною разгадана. Прошедшая ночь была для меня решающей и, как никогда, плодотворной. В эту ночь – вернее, уже утром – я понял, что в этих местах существует какой-то еще неизвестный учёным минерал. Это он, именно он, оказывает влияние на фотографические пластинки. Значит, надо искать его где-то здесь, поблизости от болота, а может быть, и на дне его.

Но я опять забегая вперед...»

Трудно было удержаться, чтобы не заглянуть в последующие страницы записок. Уж слишком захватывающим оказалось содержание рукописи! Хотелось поскорее узнать, что будет дальше. И Новиков, испытывая жгучее нетерпение, пропустил несколько страничек, убеждая себя, что у него в будущем хватит времени, чтобы не только перечитать, но и изучить их, если они будут заслуживать этого. А пока он только бегло прочтет всю тетрадь и решит, являются ли эти записки научным документом или фантастической повестью.

Но, перелистав несколько страниц, майор опять принялся читать все подряд.

«... Я убедился, что вода и особенно грязь Гнилого болота обладают способностью быстро затягивать раны, восстанавливать силы. После этого открытия я несколько дней находился в приподнятом настроении.

Но опишу все по порядку...

Несколько дней тому назад возвратился из дальней поездки мой первый помощник и товарищ Семен Валерианович Крутов, тоже инженер-геолог. Он привез много неприятных новостей. Горный департамент Министерства торговли и промышленности отказал нам в средствах для окончания работ. Это очень всех нас огорчило, но мы решили: что бы с нами ни случилось, довести до конца начатое дело!

К этому времени нас осталось всего шестеро – я и пять самых смелых, решительных и преданных мне людей, остальных из-за недостатка средств пришлось рассчитать. Я не мог точно определить, сколько еще потребуется нам жить в тайге до окончания работ. Поэтому мы решили как можно экономнее расходовать оставшиеся продукты. Впереди – мы все это хорошо понимали – нас ожидает еще немало трудностей, горестных дней и мучительных страданий. И с этого дня мы решили поочередно заниматься охотой. Идти на охоту первому вышло на долю мне.

Уже чувствовалось наступление осени. Поблекли цветы, увяли травы. Поредели еще недавно такие густые заросли черемухи, пышно разросшейся у подножия горы Лысой...

Пробродил я по тайге полдня и никакой дичи не встретил. Тогда я решил убить сохатого. Я хорошо знал места, где они водились, но мы до этого не трогали их.

Я направился к горному перевалу. Здесь все мне было знакомо. Отсюда я впервые, еще десять лет тому назад, начал проводить поисковые работы. Очнувшись от мыслей о прошлом, я заметил, как с перевала, на который я только что решил подниматься, спускаются друг за другом коза и двое козлят, а позади, замыкая шествие, идет рослый козел.

У меня одновременно возникли два чувства: охотничий азарт и жалость, но в конце концов победила страсть охотника.

Пока я раздумывал, коза успела спуститься с перевала и по едва заметной тропинке пошла мимо места, где я скрывался, ведя за собой семейство. Решив убить козла, я пропустил самку с козлятами и, тщательно прицелившись, выстрелил два раза подряд. Моя жертва стремительным прыжком метнулась в сторону и исчезла в кустах.

По обильным кровавым следам я убедился, что козел получил серьезное ранение. И пошел за ним, не сомневаясь, что не дальше как через полверсты найду его мертвым. Но случилось иначе, чем я предполагал.

Сначала я шел не торопясь, ожидая с минуты на минуту увидеть мертвого козла. Потом ускорил шаг, не спуская взгляда со следов крови, которых становилось все меньше, и, наконец, почти побежал. Но как я ни спешил, мне не удавалось догнать раненого козла, а следы крови исчезли совсем.

Не понимая, что это могло значить, я вернулся на место, с которого стрелял, и оттуда прошел еще раз по следу. Но и повторная попытка не привела ни к каким результатам, подранок исчез бесследно! Отчаявшись найти козла, я в досаде махнул рукой и направился в лагерь, тропа к которому вела мимо Гнилого болота.

Не дойдя до болота, я опять увидел свежие следы нескольких коз и решил, что именно здесь пробежал недавно раненный мною козел. Но как я ни искал, мне не удавалось обнаружить мою добычу. Когда я вышел к берегу болота, то увидел, наконец, козла.

Животное, очевидно, чувствуя приближение последних минут жизни, прыгнуло в болото и на моих глазах медленно погружалось все глубже и глубже. Его большие, выразительные глаза зорко следили за каждым моим шагом. Я не стал его добивать, потому что лезть в трясину было рискованно. Пришлось возвратиться в лагерь не солоно хлебавши.

Прошло больше суток, когда я снова вспомнил о раненом козле. Желая узнать, что же с ним все-таки стало, я решил сходить на болото.

“Утонул, конечно”, – рассуждал я. И в самом деле, сколько еще могло бороться за жизнь тяжело раненное и вконец обессиленное животное?

Сначала я шел, не соблюдая предосторожностей. Через некоторое время привычка охотника заставила меня произвольно укоротить шаг, а когда показалась слегка волнующаяся от ветерка поверхность болота, я стал еще осторожнее обходить тальниковые кусты и заросшие осокой кочки.

Неожиданно я увидел козла. Как это ни странно, он ухитрился вылезть из топи и лежал на берегу. Услышав шорох, вызванный моим приближением, он повернул голову, перестал жевать

и насторожился. Невольно залюбовавшись им, я запнулся о кочку и едва успел схватиться за первую подвернувшуюся ветку. Но она почти мгновенно обломилась, и я грузно шлепнулся на пропитанную влагой землю.

Козел мгновенно вскочил и легкими длинными скачками скрылся в тайге.

До крайности изумленный, я долго стоял, не понимая, что произошло? Что вернуло силы уже умиравшему животному? Неужели моего подранка воскресило действие элементов минерала Зет, бесспорно находящихся в растворенном виде в болотной воде и, особенно, в осадках?»

Несмотря на то, что устали глаза, Новиков продолжал с увлечением читать. В палату вошла санитарка с подносом и поставила на тумбочку тарелку с аппетитно пахнущим борщом. С улыбкой взглянув на майора, она взяла у него из рук тетрадь и подчеркнуто строгим голосом проговорила:

– День большой, товарищ майор, успеете начитаться, покушайте сперва! – И не сказав больше ни слова, направилась дальше.

Новиков сначала хотел возразить, но, увидев через неплотно прикрытую дверь, что по коридору прошла Горбунова, вспомнил ее наказ: «Не увлекаться чрезмерно чтением!» Он сокрушенно вздохнул и взял ложку.

Глава шестая

Старший лейтенант Гуцин больше не сомневался. Нет, он был уверен! В тайге, возле парашюта, он видел Григория Воробьева, вместе с которым служил в армии и прошел долгий боевой путь. Да, это был он, Воробьев! Ни у кого другого не видел он такого открытого, ясного взгляда, свидетельствующего о такой же открытой и ясной душе, ни с чьей другой нельзя спутать эту подтянутую, худошавую, слабосильную на вид, но железную на деле фигуру!..

«Нет, не зря ломал я голову, – торжествуя, подумал Гуцин. – Ну, дружок, теперь ты не уйдешь от меня! Придется тебе рассказать, какая причина заставила тебя появиться на руднике под чужой фамилией, почему тебя называют не по имени, а по кличке – Смелчак, что за груз ты воровски прячешь в тайге!..»

Но тут же у старшего лейтенанта вновь возникло сомнение.

«А если нет?.. Если это не Воробьев, а кто-то похожий на него? Ведь бывает же такое сходство? Да, бывает! Ну, конечно, это не Григорий... Ведь я знал его в течение нескольких лет, и каких лет! Мы были рядом в годы самых тяжелых испытаний. Мы вместе лежали на земле, когда сверху сыпал мокрый снег, а снизу застывала жидкая грязь... Неужели это ты, Воробьев? Но ты ведь железнодорожник, до войны, по твоим рассказам, работал помощником машиниста в депо... С чего вдруг стал горняком?..»

Темная ночь уже давно спустилась над рудником, а старший лейтенант все еще стоял возле распахнутого окна. Он то без всяких оговорок признавал в Смелчаке своего бывшего друга, с которым на фронте укрывался одной шинелью, то начинал возражать себе, доказывать, что человек, замеченный в тайге возле парашюта, никак не может быть Воробьевым...

По укоренившейся фронтовой привычке друзья заставляли друг друга перед первым боем записывать адреса самых дорогих людей. Гуцин тоже занес как-то в записную книжку адрес родителей Воробьева, живших где-то на Урале.

Припоминая, где может быть эта запись, Гуцин достал из сейфа папку, в которой хранил свои документы, письма и фотографии друзей и знакомых. Разыскивать долго не пришлось, книжка лежала сверху. И как только старший лейтенант перебрал несколько листков, ему сразу бросился в глаза адрес родителей Григория...

И тут Гуцин решил написать им, спросить, что стало с их сыном, вернулся ли с фронта, где сейчас работает?..

Надписывая на конверте адрес, старший лейтенант услышал в коридоре торопливые шаги. Почти тотчас распахнулась дверь, и на пороге остановился ослеплённый ярким светом Николай Мошков.

– Вот!.. – начал он и замолчал, не зная, с чего начать. Потом, не переводя дыхания, выпалил: – И в кино был, и новую картину посмотрел... И тетку видел, которая меня конфетами угощала. Только она была в белой блузке с большим красным цветком около левого плеча...

– А ты не обознался? – спросил Гуцин.

– Нет-нет, что вы! Я ее сразу узнал. Когда картина кончилась, я пошел за ней и все смотрел... Она несколько раз вынимала из сумочки платочек и прикладывала к щеке... Наверное, у нее зуб заболел!

– А ты не заметил, какого цвета был у нее платок?

– Хорошо видел: желтенький!

Смутная догадка мелькнула в голове Гуцина.

– Так, так, молодец, Коля! – одобрил он мальчугана. – Ну, а потом куда девалась эта женщина?

– Из клуба она дошла до автобуса и села в него. Когда машина уже тронулась, в него вскочил мужчина. Я его тоже узнал: это он прятался за нашей рябиной, когда женщина на заимке разговаривала со мной. Только на нем была не куртка, а вышитая рубашка.

Убедившись, что Николай рассказал все, что мог запомнить, Гуцин поднялся и ласково потрепал его по голове.

– Ну, пора спать, Коля, – сказал он, закрывая сейф. – На заимку ты не пойдешь, поздно, ночуешь у меня. А дедушке я при встрече объясню, где ты был...

Мальчик с недоумением посмотрел на Гуцина:

– Я из клуба всегда хожу домой один. Темноты я не боюсь, а в лесу каждый кустик знаю...

– Товарищ Мошков! – шутливо-строго сказал Гуцин. – Ты сколько лет пионерский галстук носишь? Скоро комсомольцем будешь! Так как же ты можешь возражать старшим? Не возражать! – И тут же расхохотавшись, добавил: – Не ерпенься, молодой человек, все равно никуда тебя не отпущу. Придем сейчас ко мне, поужинаем и ляжем отдыхать. А утром ты мне снова понадобишься, хочю тебе еще одно серьезное дело поручить!

Это обещание и удержало Николая, который все-таки хотел убежать домой, чтобы не тревожить деда.

Они вышли на широкую, гладко укатанную дорогу. Поселок уже спал, лишь кое-где виднелись одинокие огоньки в окнах. Гуцин, все еще перебирая в памяти события минувшего дня, машинально вел Николая за руку, как маленького или как пленника. Заметив это, он рассмеялся, отпустил руку спутника и проговорил:

– Видишь вон тот густой сад в переулке? Там я и живу, сейчас дома будем. Приготовит нам хозяйка что-нибудь вкусное, покушаем – и спать! Или ты все еще жалеешь, что на заимку не ушел?

– А что мне жалеть? – совсем по-взрослому откликнулся Николай. – Если бы я захотел, разве кто смог бы меня к себе увести? Да ни за что!

Гуцин открыл калитку и легонько стукнул в маленькое, завешенное цветной шторкой, окно. Почти тут же над занавеской показалось женское лицо, и скрипнула дверь в сени. Квартирная хозяйка Гуцина, женщина средних лет, не дав им переступить порог, затараторила:

– Ох, и натерпелась же я сегодня страхов, ох, и напугалась!.. – Старательно заперев за вошедшими дверь, она успела преградить им дорогу в комнату и продолжала скороговоркой: – Полкан-то всю ноченьку напролет лаял, готов был с цепи сорваться!.. А под окнами все кто-то ходил и ходил...

– Надо было выйти, посмотреть, – отозвался спокойно Гуцин, пытаясь обойти хозяйку.

– Ох, что вы, Степан Петрович? – замахала руками женщина. – Выйти на двор? Да я из-за шторы выглянуть и то боялась!.. А перед тем, как вам прийти, почудилось мне, хочет кто-то раму в вашей комнате отворить. Ну, тут уж я не выдержала, подошла к вашей комнате, послушала: нет, никто не лезет! А Полкан пуще прежнего заливается, так на приступ и берет!.. Вот всю ночь и не ложились, вас дожидались да из комнаты в комнату ходила...

Гуцин шутками постарался успокоить перепуганную женщину, хотя и у самого стало тревожно на сердце. Он попросил хозяйку покормить его и гостя, и, когда та метнулась в кухню, вместе с Николаем прошел к себе. Оглядев комнату и не обнаружив ничего подозрительного, он подмигнул мальчугану, кивнул головой в сторону коридора, где гремела посудой хозяйка. Подойдя затем к столу, он снял гимнастерку. Выложив из нагрудного кармана конфеты, взятые утром у Николая, потом вышел во двор и стал умываться возле колодца, громко фыркая от удовольствия.

Оставшись один, мальчик присел к столу и огляделся. В комнате было душно, а Николай к этому не привык. Отдернув занавеску, он распахнул окно и лег на подоконник, не заметив, что столкнул на пол лежащее на подоконнике письмо. Хотя рассвет еще не наступил, ночь уже поблекла. В темно-сером, холодном небе одна за другой гасли звезды.

На востоке обозначались невидимые до этого контуры покрытых лесом высоких гор. От деревьев, росших под самым окном, тянуло сыростью. Кругом стояла такая тишина, что мальчик отчетливо слышал шорох листвы, легкое попискивание бессонных птичек и звонкое журчание Безымянки, протекающей неподалеку.

«Как здесь хорошо! Словно в тайге», – подумал Николай. Вспомнив рассказ хозяйки квартиры о ночных событиях, он осмотрел двор и увидел цепного пса, лежавшего, свернувшись калачиком, возле своей будки.

– Полкан, Полкан, – тихонько позвал мальчик.

Собака мгновенно насторожилась, вскочила и взглянула на незнакомого человека злыми глазами.

Пареньку захотелось чем-нибудь угостить такого верного сторожа, напоминавшего ему дедушкиного Музгара. Он взял со стола одну из конфет, развернул ее и, размахнувшись, швырнул в сторону конуры. Нюхая воздух, Полкан медленно подошел к упавшей конфете, мгновенно проглотил ее и, облизнувшись, снова улегся...

Глава седьмая

Тем временем дед Афанасий торопливо шагал в сторону рудника, размышляя о постигшей его новой неприятности. И чем больше думал он, чем старательнее пытался разгадать тайну, тем больше терялся в догадках.

«Ну, куда и когда могли они запрятать груз? – в сотый раз спрашивал себя старик и даже зубами поскрипывал от злости. – Ишь, как ловко сумели обвести меня!...»

Выходило так, что за ним самим все время следили и воспользовались его кратковременным благодушием. Ну и ловкачи! А он-то, старый дурак, думал, что видит на аршин под землей.

Распроставшись накануне с Гущиным у Безымянки, Мошков вскоре дошел до крутого перевала, с которого на много километров просматривалась тайга. Осмотрев местность, лесник не обнаружил ничего подозрительного. Он успокоился и решил сходить на заимку, подкрепиться немного, захватить ружье и вернуться к спрятанному злоумышленниками грузу.

Внука не оказалось дома. Из оставленной на столе записки Мошков узнал, что Николай ушел на рудник посмотреть новую кинокартину. Отсутствие мальчика не обеспокоило старика: в поселке у Николая много друзей, так что ему есть, где переночевать.

Утолив голод и захватив ружье, дед Афанасий спустил с цепи собаку, накрепко закрыл ворота и углубился обратно в тайгу. Он шел напрямик, без дороги, в обход болота, оставляя в стороне Лысую гору. Вскоре он вышел к тайнику и начал выбирать удобное для наблюдения место.

Он решил спрятаться подальше от тайника, который по-прежнему был прикрыт хворостом. Наблюдать издали было безопаснее, а слухом старик обладал очень чутким, да и на зрение пока не жаловался.

Но как лесник ни старался, а лучшего места, чем то, где они с Гущиным сидели днем, он так и не смог найти. Подосадовав на себя за то, что зря потратил время, дед примостился за знакомой уже гранитной глыбой, прислонился к камню и как бы слился с ним.

День выдался на редкость хлопотливый и утомительный, и сейчас Мошков наслаждался коротким отдыхом. Как только он присел, приятная истома охватила все его тело, и у него сами собой закрылись глаза. Но он не спал, не спал ни минуты, он слышал каждый шорох листвы.

Когда лесник открыл глаза, в лесу было уже сумрачно. Густые тени от ветвистых верхушек деревьев падали на землю, заросшую мхом. Из логов потянуло сыростью и запахом грибов.

«Если не придут сейчас, надо будет ждать на рассвете, – думал Мошков, внимательно оглядывая все вокруг. – В темноте они едва ли решатся переносить такой груз: опасно, да и с пути сбиться можно...»

Все замерло, как перед грозой, даже суетливые птицы и те перестали щебетать. Вскоре солнце совсем скрылось за горизонтом и стало прохладно. Афанасий придвинулся еще ближе к нагретому за день камню и задумался. Мысли его незаметно переключились на внука.

Уже давно появилась у старика мечта увидеть Николая инженером. При мысли об этом с него всегда, как рукой, снимало всю усталость, все заботы, и словно свежие силы вливались в старика. Дед не решил окончательно только одного: что лучше выбрать для Николая? Специальность геолога, конечно, нужная и уважаемая, но и горным инженером быть неплохо. Одним словом, обе профессии одинаково нужны и почетны, а вот какая из них лучше подойдет внуку – трудно сказать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.